

Смена

XX 101
1-

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

1930

N° 7
10 коп.

ТЕАДЕКАДА

ДИКТАТУРА

ЗАМОСКОВОРЕНСКИЙ ТЕАТР

Сцена из III действия «Диктатуры».

Замосковорецкий театр—районный и по существу своему нечто среднее между театром столичным и провинциальным: расчтитанный на сравнительно малоизвестного артиста (строителю, красноармейцу и т. п.), он в то же время должен сиять на высоте последних художественных достижений. Соединяет поэтому злободушность и идеальную насыщенность, высокую художественность и простоту стало для театра совершенно необходимо.

Пьеса украинского писателя Михаленко «Диктатура» удовлетворяет всем этим требованиям.

Рабочий бригадир Дударь, посланный на хлебозаводы, после долгой и упорной борьбы с кулаками, то скрытой, то явной, собирает, наконец, с села положенные сто тонн хлеба и отправляет его красивым обозом в город. Михаленко сумел отойти в своей пьесе от шаблона. Борьба

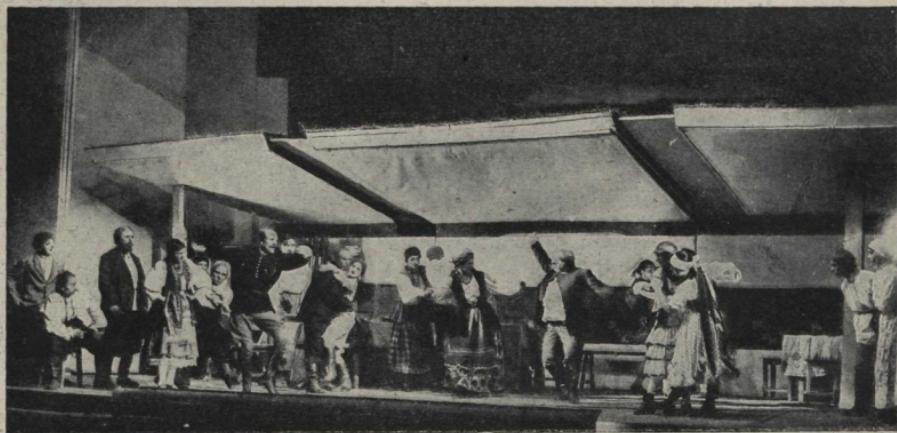
идет с переменным успехом и временами даже кажется, что берет верх кулак. Показан колебание и заблуждения бедника Малоштата, видимую аполитичность середины, автор, в конце концов, утверждает, что сломить кулака сможет только подлинная, железная и организованная диктатура пролетариата.

Сценарий Михаленко, театр, однако, не сумел как следует оформить. Театр не гасилцалил как следует актера. И постановщики и актеры не доонесли одного обстоятельства: событие разворачивается на Украине, и «Диктатура» во всех мелочах свинка—песка украинская. Отсюда, как следствие, отдельные образы оказались исконными, а актеры, хотя и играют сильно, но вразнобой. Так, Кузиков играет очень сильно и драматично Чурму Козара, сбываюсь, однако, то-и-дело на украинца, член Гоголя. То же самое про Гуса.

Ка: у актера Костромина он двоячен: то это малокультурный и невежественный земской писарь, то активный, хитрый и умный петровец (второе, несомненно, правильнее). Необходимо отметить «оперность» некоторых сцен (сцена (сады Гусака), порок, который происходит от недостатка языка, был украинской деревней.

Спектакль «Диктатура» интересен сама тема. Театр Замосковоречья просит потерянных своих стажеров братьев, чтобы занять место в первом ряду. И он выражает это складчато, несмотря на частые недостатки спектакля, театр сумел показать сильную актерскую игру и свое умение найти нового автора, талантливого и современного. И еще «Диктатура», говорящая о классовой борьбе в деревне, сильней и убедительней сценической «Прости».

Р. Кудиров

Сцена из III действия «Диктатуры».

СМЕНА

№ 7, март 1930 г.

Литературно-художественный и общественно-политический иллюстрированный журнал рабочей молодежи

Орган ЦК и МК ВЛКСМ—Изд. «Молодая Гвардия»

Ответственный редактор С. Кампрад
Заведующий редакцией Я. Юдинский

Адрес редакции: Москва, Центр, Новая площадь, 6. Издательство «Молодая Гвардия». Прием в редакцию ежедневно с 12 до 2 ч. дня

СЛЕДИТЕ ЗА «СМЕННОЙ»

В НЕЙ ПЕЧАТАЮТСЯ КУПОНЫ,
КОНКУРСА

„В ГОСТИ К КРАСНОФЛОТЦАМ“

В конкурсе принимают участие все подписчики и читатели «СМЕНЫ».

Вырезанные купоны дают право на участие в разыгрывании нескольких десятков билетов, по которым выигравшие смогут в один из летних месяцев за счет редакции поехать в гости к краснофлотцам в Севастополь или в Ленинград.

Московская область должна дать 50000 подписчиков массового журнала рабочей молодежи „СМЕНА“!

СЕКРЕТАРИАТ МК ВЛКСМ О „СМЕНЕ“

Отметить, что «Смена» является единственным в Московской области массовым иллюстрированным и литературно-художественным комсомольским журналом и должна играть чрезвычайно большую роль в деле воспитания и оформления сознания рабочей молодежи и комсомольских масс.

Проведенная редакцией реорганизацию журнала и взятый ею курс на массовый боевой литературно-художественный и общественно-политический журнал рабочей молодежи с ярко выраженным самостоятельным лицом, резко отличающимся от других подобного типа журналов, ОДОБРИТЬ; отметить на этом пути некоторые достижения, выразившиеся в увеличении журналом своей общественно-политической ценности (тематические номера, посвященные ударным бригадам, подводной лодке и т. д.); отметить, что издательству «Молодая Гвардия» удалось повысить качество журнала, попрежнему оставить демократическую и доступную цену.

Констатируя крайне слабую связь Московского Комитета с журналом и полную оторванность от него, внести в редакционную коллегию представителя Московского Комитета.

Принимая во внимание катастрофически малое распространение журнала по Московской области, признать необходимым привести в ближайшее время кампанию под-

писки на «Смену» с тем, чтобы 5% всей собранной подписной платы было отчислено в фонд постройки комсомольской подводной лодки; высказаться за то, чтобы журнал стал приложением к газете «Комсомольская Правда», естественным дополнением к которой он является. Считать необходимым добиться к концу года 300000 тиража, из которого Московская область должна дать не менее 50 000; выделить комиссию, которой поручить разработать план кампании и руководить ею.

Редакция «Смены», приступая к осуществлению решений МК ВЛКСМ о журнале, обращается к московскому активу с просьбой помочь ей в этом деле. Только при энергичном содействии и поддержке комсомольского актива может союз создать действительное боевое, подлинно массовый журнал рабочей молодежи.

Выполните решение МК, «Смена» выпускает в ближайшее время специальный номер, посвященный годовщине социалистического соревнования и борьбе комсомола за выполнение и перевыполнение пятилетки.

Организуйте распространение «Смены»! Читайте и выписывайте «Смену»! Пишите в «Смену»!

Комсомольский актив—на поддержку массового комсомольского журнала!

ИЗ ДНЕВНИКА „ЖЕЛЕЗНОГО“ ФЕЛИКСА

(Окончание. См. №№ 5 и 6 „Смены“)

ожидает смертная казнь, которую, должно быть, заменят миражами гробницы. В ягутах у меня что-то трепещет. Трепещет и пролежал в больнице и несколько дней тому назад вернулся оттуда. Я чувствую, что жить мне уже недолго. Я не жалуюсь и не призываю своей судьбы, хотя хочется жить, ах как хочется жить и убежать отсюда. Я пишу это, так как не хочу лгать. Да разве стыдно сознаться, что я любил жизнь и люблю. Разве есть основание лгать и это этой ложью скрывать позорный ужас того, что отравляет, грызит и оскверняет эту жизнь. И если бы я вышел отсюда, разле и мог бы изменить свою жизнь и не вернуться сюда же.

Такое произнесенное содержание полученного мною сегодня письма от моего товарища, который из-за первоначальной ошибки лазерета, мне удалось увидеть его в окне, когда он гулял, снестись с ним, установить способ переписки. Его держали несколько месяцев в кандалах, сознательно ложью обивая его в том, будто бы бежал с каторги. Он расхвирялся и три месяца пролежал в зазоре.

6 сентября. Сегодня я убедился, что мои подозрения имели основания. Да, это так. Да. Ганка была в доме умалищенных в Творках, откуда ее забрали, а когда ее арестовали, она оговорила тех, которые ее освободили. Сама сидела с жандармами и указывала квартиры. Здесь она выдавала себя за другую, тщательно скрывая свою настоящую фамилию (Островская). Что с ней было, почему она предала? Кто ее знает. Может быть, ее были или они и вправду сестры. Впрочем, я не знаю, кто это. Но факт остается фактом: сидит в камере надо мной. Я сегодня сообща об этом другим. Это была моя обязанность, хотя, возможно, что она других не выдавала, и опровержение ее о предательстве может иметь еще весьма печальные последствия. Всюду она была любимицей всех — только с женщинами не дружила. Ее любили за ее легкие, смех, за ее речебную шаловливость, за скандалы, устраиваемые жандармами.

Теперь все это изменилось. А, может быть, мне и не поверят. Подозреваемая и пособницами, и покровителями, она, может быть, и забыла о своем предательстве. Она была виновна, но не в том, что отправляла письма, то получала их, устроила скандалы, пела, вечно возновлялась... Быть может, желая этим заглушить укоры совести. «А все-таки я такая, что все меня любят и уважают» — и ее преступление отодвигалось далеко. «А может быть, это был сын и это вовсе не я». А теперь вернется к неумолимой и позорной действительности, и ее нет и не будет спасения для нее. А, может быть, она скатится в самую глубину пропасти подлости. «Хотят, чтобы я была подлой, — и буду. И она будет виновна во всем. Возможно, что она попытается отрицать заявление, что это все ложь и клевета, и будет бороться хотя бы только за каплю доверия хотя бы только нескольких товарищей. И она пойдет теперь на каторгу с klejмом позора, обремененная на самое тяжелое, что может постигнуть человека.

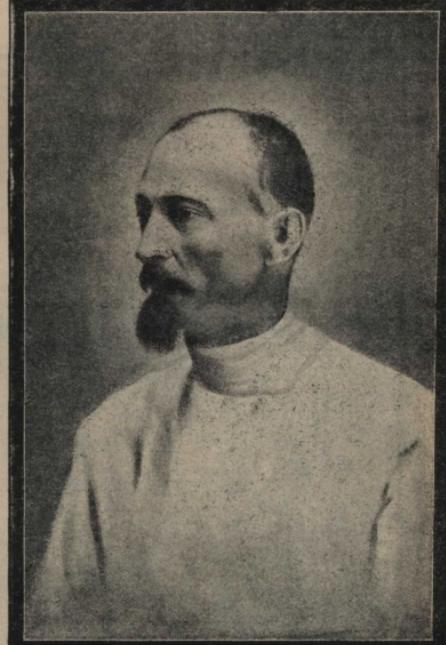
Я часто вижу на прогулке провокаторов. Двое из них производят ужасное впечатление. Не поднимают глаз, их лица словно зеленые маски тягчайших преступников с застывшими на них кляймом позора... Самы они ходят скрючившись, как собака, на которую

замахнулись. Троих притворяются будто ничего не случилось, и во них лицам трудно определить, кто они. Есть еще две: не винят, веселятся. Это — професиональные провокаторы. Выходят на прогулку какую-то женщину с двумя детьми. Она осуждена на 12 лет послешения за то, что ее квартирант во время облавы убил солдата и сбежала вместе с ее мужем. Сегодня во время прогулки она отшельница своего мальчика. Я увидел это в окно и хотел ей крикнуть... В тюрьме все принимают преувеличенные размеры... А мы, если мы ни в чем не виноваты, продолжаем шагать, бегать, гнали за курицами...

II октября. Казань. Казань. Казань. Казань по ночам. И после этих ужасных ночей все идет подруженному. Светлы, солнечные осенние дни, солдаты, жандармы, смены одних другими и наши прогулки. Только в камерах более тихо, не слышно пения, многие ожидают своей очереди. Один из жандармов сказал, что когда предстоит казнь, «дрожь пробегает по телу, нельзя успеть и ворочаться».

12 ноября. В течение трех дней присяжных суда надо мной и товарищами. В течение этих трех дней у меня было развлечением. Дело разబралось судебной палатой. Меня возвели на суд извозчик в наручных кандалах. Я был возбужден и радовался, что вижу уличное движение, лица вольных людей, вывески, объявления, трамваи. А затем встреча с товарищами и несколько знакомых лиц... Из всех подсудимых лишь меня одного приговорили к ссылке на пограничие (других — к каторге), и такой относительно мягкий приговор, что я не могу сказать, что по другому делу можно будет меня закатать в каторгу. А по слухам, жандармы строят еще третье дело обо мне.

Во время самого суда я даже не думал о том, что это нас судят и осудят на долгие годы... Я не думал об этом, хотя у меня не было никаких наложений на счет приговора. Я глядел на судей, на прокуроров, на всех присутствующих в зале, на стены и украшения. Я глядел на это, радуясь, что вижу не тюремные цвета, не тюрем-

Ф. Э. Даэржинский в 1922 г.

ные лица. Я был словно на каком-то торжестве, не печальным, но страшным и словно меня не касавшимся. И только на момент мною овладело другое чувство, — словно кого-то собираются хоронить. Это было, когда нас ввели в зал суда для обильвания приговора, когда неожиданно мы были окружены 15—20 жандармами и в воздухе блеснули обнаженные сабли. Но это настолько сразу расположило, что я даже не вздрогнул, а заложил головом читать приговор.

Соглашайся опять один в камере. Я не сомневалась в том, что мне придется провести столько дней в стенах тюрьмы, день за днем, час за часом, должно быть здесь, в десятом павильоне, мною овладевает исступ, из груди вырывается крик: «не могу». И, тем не менее, я смогу, необходимо, чтобы и смог смот так, как сквозь несколько дверей, перегородок, сквозь бойко текущую. Миссия в моем понятии, как это возможно? но я знаю, что это возможно, и во мне зреет решение: смыть, выдергнуть. А если не хватит сил, тогда смерть, смерть, обособляющая от чувства бессилия, смерть, решающая все. И спокойно.

15 декабря. Об Острожской-Маринской (Ганке) мне сообщено с воли, что кое-кто утверждает, что она не виновата в пропаганде освобождения ее товарищей. Как это применить с ее собственными рассказами о другом Острожской, когда мне совершили неизвестно что, это было не от Острожской. Впрочем, я сообщаю об этом товарищам. Она здесь не отрицает и выдумала новое: другая женщина проводила их по неосторожности, привив никоз для зачатков. Но почему же тогда она рассказывала другое, когда я ее спросила, знает ли она ту Острожскую.

31 декабря 1909 года. Сегодня последний день года. В пятый раз я уже встречаю новый год в тюрьме (1898, 1901, 1902 и 1907 гг.). Первый раз одинацать лет тому назад. Я сидела в камере, мучаясь, как это называется, от изнурительного ожидания. И тем не менее у меня никогда не зарождалось сомнений относительно дела. И теперь, когда, быть может, из долгие годы скрохонены в руках крови все мои надежды, когда они гвоздями приколочены к виселицам, когда много тысяч бойцов за свободу брошены в тюрьмы и в снежные тундры Сибири, — и теперь я попрежнему города. Я вижу те огромные массы, которые уже сдвинулись с места, расшатали старое, вижу растущие новые силы для новых боев, — горючее тем, что я не могу отнести к себе, — и вижу, что эти силы, с ними сама выстрадала очень много. Здесь, в тюрьме, бывает тяжело. Иной раз страшно тяжело. Тем не менее, если бы мне пришлось сизьюна начать жизнь, я ничего бы в ней не изменила. И не из чувства обезвластности или долга. Нет. Такая жизнь для меня органическая необходимость. Тюрьма сделала только так, что дело сделалось для меня тем, чем является ребенок для матери: вскореенный ее кровью, она не может не нести предать и поэтому всегда продолжает доставлять удовольствие.

Тюремщица отпустила у меня много, очень много, не только реальные условия жизни, без которых человек становится несчастнейшим из несчастных, но и саму способность пользоваться этими условиями, способность с успехом проводить умственную работу. Столько лет тюрьмы, чаще всего в одиночках, не могло пройти без-

напоминания. Но когда в моем сознании, в душе, я соглашалась то, что отняла у меня тюрьма, с тем, что она мне дала, то я не в состоянии отплатить, что перевешивает. Я знаю лишь то, что я не проклину судьбы и многие лет, проведенных в тюрьме. Вне тюремных стен существует другая тюрьма, огромная... И она будет разрушена, именем из тех, кто, как в тюрьмах, проводили заключенные. Это не времестное ущербование на широкой жизни, результат тоски, стремления к красоте и спасительности. На воле, теперь, товарищи и друзья пьют за наше здоровье. И я здесь в одиночке думаю теперь о них. Пусть живут, пусть куют оружие и будут достойны дела, за которое они борются.

Сегодня меня уведомили, что другое мое дело будет слушаться 28 января 1910 года, через четыре недели. Теперь уже не миновать суда, тогда как я не могу сказать, сколько времени оно займет. Не очень это мне ульбается. Со вчерашнего дня я опять сижу одна. Моего товарища перевели в другую камеру на другой коридор, подбежи к его товарищам, от которых он может узнать новости о своем деле. Он все время был взъятован, все время ожидал, что придет известие, что придет решение. Когда одна из заключенных уезжала, она сообщила нам, что ее приговаривали к 5 годам ссылки в Якутскую область по делу, в котором он был замешан. Это неизвестно, что это было, она не знала, что с ним стало, — и она вернулась. Жена другого товарища, по возвращении из Петербурга сообщила, что они будут освобождены, но их отправят за границу, а немного спустя она же сообщила, что она получила из Петербурга телеграмму, что там еще ничего не известно. И вот он не мог успокоиться, не мог ни читать, ничего не мог делать. Все время ходил по камере, ждал, ждал и ловил всякое движение во коридоре, каждый стук дверей из коридора. Все это приводило его в состояние, когда он будто находился в сне, когда он не мог разобрать об одном и том же, не мог отрешиться от этих дум, не мог их отогнать.

Это бывает почти со всяkim, сидящим здесь. Иной раз даже не знаешь, откуда берется беспокойство, состоящее ожидания чего-то, состояние в высшей степени тяжелое, похожее на ожидание на железнодорожной станции где-нибудь в глухой деревне под дождем, осенним. Только это чувство гораздо более неприятное. Мечешься из угла в угол, пытаешься что-нибудь прочитать, но ни одна мысль не приходит тебе в голову, хочешь привести книгу и опять начинешь метаться по камере, ловить клопов, дремать в смутной надежде, что все-таки придут и что-то сообщат.

Это чаще всего бывает в дни свиданий или тогда, когда ты потребовал книгу или ждешь заведующего или кого-нибудь другого. Но хотя это ожидание неприятное и напряженное и совершенно не отвечает ожидаемым результатам, но блю єще терпимо, потому что есть хоть повод для ожидания. Гораздо ужаснее ожидание без всякой поводов.

С тем же самым, как я в последний раз занесла свои впечатления в дневник, здесь, каснели 5 человек. Вчера между 4 и 6 часами их ввели в камеру № 23, находящуюся под нами. Ночью, около 12 или часу, их повели на казнь. Одни из них громко молились и пели псалмы, другой, какой-то русский, писавший письма и напевал уличные песни.

Учетная карточка Дзержинского в Орловской тюрьме.

НА СЛОМ

Рассказ Игоря Козлова

(Окончание. См. № 6 «Смены»)

Рисунки В. ЛЮШИНА

А со следующего утра занесла работа по слоям, обильно поливавшая водой, с шумными драмами, в хранилищах отвратных пещер. Работавшие проводили на сломе дни и ночи, спали пыльным бесплатным сном, тут же, где кое-кто погибался, вокруг шнырили инженеры, на поздней ночи стояли перед домом, на улице, торговцы огузками. Народу работало много, больше половины из них были лишиими, но Никита Филиппович со странной нерасчетливостью наивно решил, что изобретет, склонит к себе единственной целью собрать вокруг себя можно было людей.

Иногда останавливались у места сломки рабочие с постройкой дома культуры и наблюдали, как заряжки, неумело разбираясь дома, громко посмеивались:

— Ай-да работники! Ломать-то как след не умеют!

— Не мешай! — ревел Никита Филиппович, потрясая в воздухе кулаками: — Поминки спиралью.

Дома жили в доме у энтузиаста Никита Филиппович ни разу не побывал у них, ночи у себя в кабинете. Жена часто прибегала к нему, но он гнал ее, плачущую, отказываясь вступать в какие бы то ни было разговоры.

— У вас есть хозяин! — кричал он. — Я дот строю, но мешай!

Потрясенная видом мужа, налитого пынью, страшной силой, она кидалась к нему за помощью, хотя и знала, что тот ничего сделать не может.

— А я что? — говорил Алексей, лениво пожимая плечами. — Ои меня убить. — И, подумав, рассудительно выскакивал: — Дом он строит, у него Татарин домом запрашивает. А что он пьет, это его дело.

В действительности он не так уж безразлично относился к подчиненным. Его он не любил и боялся. Но до того поры, пока отец был хозяином в доме, он входил в его жизнь, как одно из ее иенебежных условий. Алексей не умел и не любил управлять своей жизнью, — она сама его управляла. Всякий вопрос, когда окружалась и выражалась постепенно. В первый же день, поставивший его в новое положение хозяина, он уже чувствовал себя так, словно никогда и не жил под руками отца, и сразу ощутил, что он не властен над собой, как некогда лишился. Жизнь должна была катиться ровно и легко, необходимым условием этого был — дом и хозяйство, а отец своим зверским пытливством внушил опасение за благополучную постройку дома.

Столы, стульчики, пригожие занавески брали, плотно завтракали, выхаживая утром рано из дому, щурясь на бодрое молодое солнце. Сегодня предстояло ехать в Емельяновку — оттуда было груду, и это было вдвойне приятно. И это привнесло в один случай поводом для постройкой дома и заехали к Строгановым, старым знакомым Даниловых, посмотреть на Шуру, дочь их, возбуждавшую в Алексее странное, беспокойное удивление.

Она сразу заметила ее, подъезжая к строгановским дверям — она нападала на глазах. Остановив лошадь, она спрыгнула с подкова и подняла руку, чтобы наблюдать за быстрым и легкими движением ее тела. Вот она выпрямилась, поправила выбившуюся из-под платка прядь волос и, заметив его, приложила ладонь ко лбу, защищая глаза от солнца.

— Не узнала? — крикнула Алексей, перелезая через изгородь.

— А ты что дорогу ворам показываешь? — шутливо сказала она грудным низким голосом. — Ну, даэрствуешь!

На лице ее лежал легкий загар, и обветренные губы ярко улыбались.

— Работаешь? — спросил Алексей.

— Нет, нет, жую, — ответила она и засмеялась. — Не видишь, что ли?

— Телерь вижу, — тоже засмеялся Алексей, и руки его невольно потянулись к ширинке груди.

— Кахась, — крикнула она, сильно ударив его по руке. — Вон ты какой! Та чего шупаешь?

— Кенитесь хочу, потому и шупала, — другу сурово сказал он, убирая руку.

Она изогнула брови, засмеялась, сквозь загар на лице ее простила краски.

— Молоко-то на губах обсохло?

В ней было удивительно все: и низкий покоряющий голос, и уверенная сильные жесты рук, и эта стыдливая, залившая влагой краска.

Окваченный томительным беспокойством, Алексей сказала, глядя ей в лицо.

— Я теперь сам себе хозяин. Отен все мне передал. Я дом строю в Емельяновке, хочешь поедем, покажу?

— Мать идет, — обограла его Шура, показывая пальцем в сторону и весело крикнула. — Помещиков наследник заявил с утра пораньше!

Алексей поздоровалась с старухой, она спросила о здоровье родных и, улизнувшись ими добрым узмыком, предложила выпить молока.

— Спасибо, — сказала Алексей и пошел за ней в комитату. Он не спеша, рассказал о ере переменах в их жизни, но старуха была тут у хода, часто перепрекрывала, и Алексею даже казалось, что она совсем ничего не слышит.

— Дом от строи, — сказал он, — только хозяину у меня нет.

— Не че, — подхватила ему ухо Странгана.

— Хозяину у меня нет? — крикнула Алексей. Она с добрым узмыком закинула ему головой и предложила:

— Еще выпьешь?

Опять было не ясно, слышала ли она его, но по тому голоса ее Алексей почувствовал, что она понимает, чем хочет сказать, — вероятно, ей наполнилось спойной радостью.

Весело подхлыстывая щашаль, он быстро поехал по ровному солнечному щоссе. Все шло, как и должны были ити в его жизни, без заминки, легко и гладко. Спора о доме, места стройки, заваленные деревьями бревен, досок, песку и камней. И здесь все было, как нужно: фундамент заложен, начерно возводились стены.

За ранним временем работы еще не кончались, — Алексей заметил Татарина, бродившего вокруг постройки, и, скосив с подводы, подошел к нему.

— Здравствуй! — поздоровался он с ним.

— А, Леша, — Татарин дал ему руку.

— Как дела идут? — спросил Алексей.

— Дела? Ничего, строимся.

Присоединившись от яркого солнца, Алексей глубоко вбирал в себя свежий утренний воздух, бегали по постройке глазами.

— А отен пьет, — сказал он, желая привлечь внимание к этому Татарину. Татарин печально качнул головой.

— Питет. Нехорошо пьет! — Он помолчал и вдруг схватил Алексея за плечо, посмотрел ему в глаза и быстро спросил, когда же им удастся на постройке.

— Это чье?

— Что — чье?

— Лес, материал, земля?

— Известно чье — наше, отцово, — Алексей с недоумением уставился на Татарина.

— Мама-то вдруг отрезал Татарин и сердито отвернулся.

— Как твоё?

— Все мое. Я дом строю.

Алексей намордил лоб. Начиналось что-то непонятное.

— Это отен строит дом, — медленно выговорил он, подозрительно глядя в лицо Татарину.

Тот снова положил ему руки на плечи и, быстро двинув скользкими пальцами, отвел.

— Мне жалко ваша семья. Помещиков никакой дом не строят. Пребежка почкою, говорит: «покупай». А мне нужно. Только, говорит, не скажи никому, зато дешевле дам. А разве я знала, что такая нехорошая дела получится. Мне чужое несчастье не надо.

Он взоволнованно пихнул ногой лежавшую на земле баузу.

— Помощь, это что? Треснутый материал. И так много. Мне такой материал не нужно. Я ему половину деньги дад и больше не дам. Уговор был, он уговор не сползает, а я страдала должен? Он думает, дом строит. Ах, какая фальшивая дела получилась.

Он скорбно качал головой. Алексей, мучительно сморив лоб, старался осмыслить этот неожиданный и непонятный образ строителя.

— Постой, — сказал он, наконец. — Это, значит, не наш дом строится?

— Нет, нет. Это мой, мое все.

— А где же наш дом?—с тупым упорством допытывался Алексей.

— Ваш? Какой ваш дом? Я не знаю,—Татарин с участием посмотрел на него.— Леша, Ты не хочешь понимать. Помещик обманывает. Помещик все на ветер пускает, разве ты не видишь? Плюнуть бы тебе на них как сейчас! Ешь вязаный хлеб!

Алексей сидел на земле, задыхаясь, и смотрел в руках вожжи. Страшные, непостижимые вещи говорила Татарин. Отец дома не строит. Этого не может быть. Дом должен строиться.

К вечеру погода изменилась. Небо отдалето тучами, стемнело раньше, чем обычно. Вернувшись домой, Алексей поставил лошадь в конюшне, заладил ей корму и, не передеваясь, вышел со двора. Он недавно был на сломке у отца, но сейчас почти не узнал этого места—верхний этаж дома уже снесли, от нижнего остался обгоревший скелет, как клочья мертвого мяса, висели на нем обрывки обломков досок, куски досчатых переборок с отбитой штукатуркой.

Где-то бестолково скрипела гармонь, называемая выводы несколько бесконечных тягущих ног. Заметив впереди фигуры людей, Алексей направился к ним.

— Вчера я гулял-ла,—нараспаш бездумно и весело рассказывал женский голос.—Третьего дня гулял-ла. Воскресенье,—голос занудил Алексея, и он, покачав головой, радостно—тоже гулял-ла.

Пробравшись между людьми, Алексей увидел женщину, она стояла, прислонив спиной к столбу, держась за ноги. Женщина была измождена, с большой волосатой головой.

— Где хозяин сидит?—нерешительно спросил Алексей.

Мужчина повернулся к нему и, отвалив на плечо головы, длинно отчалило выругался. Женщина протяжно захахала, сплюзнув глаза.

Отец Алексей нашел в кортеле, единственным уединением еще помещиков в глубине разоренного дома, сунул нос в щель, подсреди комнаты и, придирчивой рукой за скамейку, лял себе на голову из кувшинки воду. Костюм из нее стал ёремой от пыли и грязи, пиджак разорвался на спине по швам. Поздорав, у стола, сидела громкоголосые люди, шумно споря, смеясь и ругаясь.

— Здравствуйте,—сказал Алексей, подходя к отцу.
Отец отстранил кувшин в сторону и, вытираясь, захаркал, заплевав, забыл про то, что это за место.

— Кто такой?—цикко произнес он, обратив лицо к Алексею.

— Я. Не видали?
— Как фамилия?
— Данилов.

Отец приблизился к нему лицо, Алексей отшатнулся,
— Лешка?—лицо у него было страшное, бледное, как у трупа, с синими вспухшими бурами вместо глаз.—Ты откуда явился?—
спохватившись, заговорил Алексей.

— А? Как ты сказал?—отец снова наложился на него и, размerno замахал пальцем перед его носом, угрожающе прошептывал.—Ты мне не мешай. Слышишь? Не мешай!

Алексей попятился к двери, но за стеной в это время гармонь засиграла пляску, и отец, выкинув кверху руки, вздрог затопта ногами и в такт мотнув завонюю хриплым отчаянным голосом:

Та-та-так-та
Та-та-так-та

Выгибаясь, он пошел по комнате в танце под хохот и пыльные вышки людей, сидевших за столом.

Алексей вышел из комнаты. Невероятное сообщение Татарина начидало походить на правду. Татарин, да, Алексей видел отца не одни раз, однако, никогда водка не доводила его до такого состояния, как этот запой. Но, в конце-концов, фантастический вид отца, его дикие выходки были бытыми фактами и ничего не вызывали бы в Алексее, кроме удивления и смеха, если бы все это не нарушало мирного и спокойного течения жизни.

Жизнь должна катиться ровно и легко, а теперь ее пусти встало неожиданно и неизвестно. Оно должно быть странно, — это несомненно, но как, Алексей не знал.

Он побрал по двору, утопая рассеянным взглядом во тьме, пролитой на землю хмурью, затянутую в туннель небом. Во тьме вспыхивали огоньки пирюс, возникали голоса людей, обрывки смеха и ругани. Дойдя до сада, он хотел повернуть назад, но внимание его привлекли забытые в саду предметы. Бессено, уже не было, на ее месте тревожилась беспечальная куча деревянного лома, и около нее топтались согбенные человеческие фигуры.

— Запиши, пожалуйста,—истерикально спрашивал сердитый голос:— Ну, запиши?

Алексей зашел в сад, громко сказал:

— Чего тащите?

Люди метнулись в сторону и побежали.

Именно это опасалось: это было ясно, а отец, пыльный и безумный, пытался в развалинах своего дома и знать не хотел ни о чем. Алексей покинул сад и снова медленным шагом направился к флагу. Оттуда заорали песню, Алексей пошел на ее звуки, и они привели его в самую глубь развалин. На очищенным от досок и мусора месте разгорячился, потрескивая, костер, а вокруг него сидели и ползали на земле люди. Алексей встал поодаль. Песня кричала теперь только один,—он мотал над грудью головой и дребезжал, произнительным голосом вспыхивая, тоскливо, слово, думка, вероятно, любовь. Остальные же зашумели и с изнеможением едва рта им слушали бородатого человека, рассказывающего им:

— Захожу в избу. Так. Изба—то,—он показал огромный кулак, — а хозяин—то!—он засмеялся, а оращий песню замолчал и, вытиная голову в сторону Алексея, громко спросил:

— А что это за чучело?

На Алексея уставились расщепленные глазами отца лица, он подошел ближе, и тогда один из людей сказал успокаивающее:

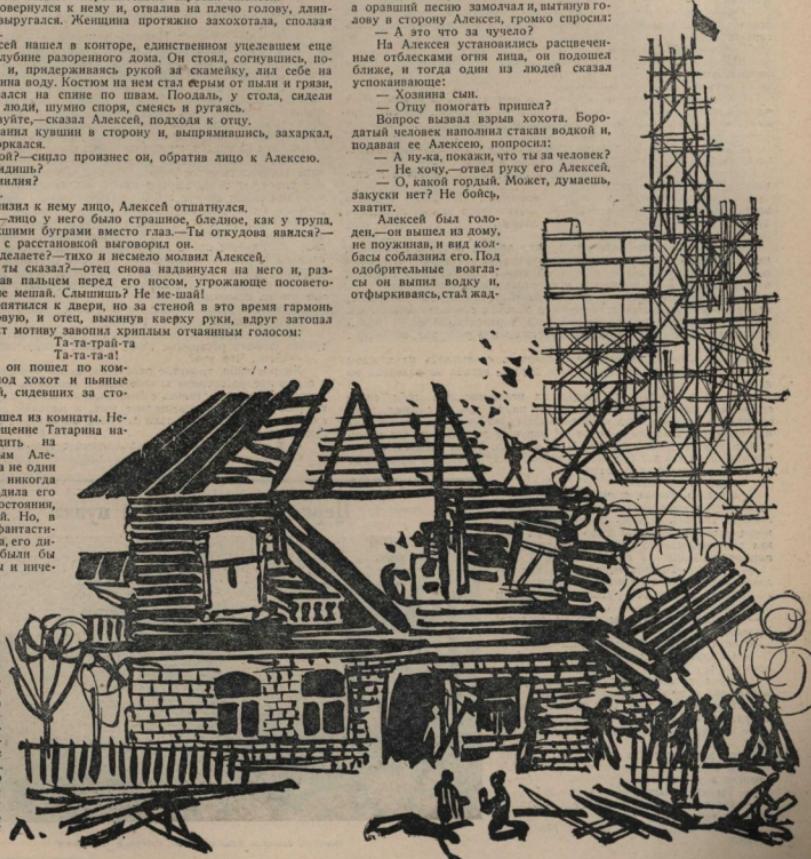
— Хозяина смы.

— Отцу помочь пришел? Вопрос вызвал взрыв хохота. Бородатый человек нахмурился, становясь подле костра.

— А пу-ка, сказал, что ты за человек?

— Не хочу,—отвел руку его Алексей.
— О, какой гордый. Может, думаешь, закуски нет? Не бойся, хватит.

Алексей был головой,—он вышел из дома, не поужинав, и вид колбасы собирался с силами. Под одобрительные возгласы, с языка он выпил водку и, отфыкнувшись, стоял жад-

запихивать в рот пищу. По телу его растеклась приятная волна гелла, в груди словно воспалились что-то, распространяя вокруг магнит, греющий свет.

Но ребята не слушали преданный рассказ бородатый.—Хозяин, знает, глянцев выдувши, а хозяин, писавший такой бороду жует лохматую и говорит: «Ты, часом, не кузнец?»

Это было удивительно смешно, и Алексей, давясь хлебом, засмеялся вместе со всеми. Костер весело играл длинными огненными языками, и при взгляде на горячее, пламенное веселье его становилось осластительно ясным, что в жизни все хороши и не может быть ничего плохого.

Алексей блеским взглядом обвел людей и вдруг громко прополоснул:

— Он должен дом строить.

— Чего ты?—остановясь, спросил его рассказчик.

— Он должен строить дом,—повторил Алексей с радостной уверенностью.

— Это ты правили рассуждаешь,—сказал рассказчик, дристально глядя на него, и продолжал спросить:

— Деники есть у тебя?

Алексей сразу понял его, сообразив же, проговорил усмехаясь:

— А я тебе должен, что ли?

— А может и должен,—загибая пальцы на руке, рассказчик отсчитывал ему:—Ты хлеб треска? Трексл. Колбаса жар? Жар. Водичка? Пила. А на чьи деньги?

И это было смешно. Алексей засмеялся и вытикал из кармана деньги.

Минуту через пятнадцать в руках у него очнулся новый стакан водки, люди натуженным голосом опять запели песню, появилась гармонь.

Потом откуда-то вышла женщина.—Шатаясь от хохота, она взмыливала и плачущим голосом выкрикивала:

— Ой, не могу! Ой, милье, не могу!

Следом за ней, стараясь настичь ее,шел, спотыкаясь, волосатый человек, которого давеча встретил Алексей во дворе. Он еле лежал на ногах, и бестолково размахивая руками, ряка:

— Давай деньги! Эй, давай деньги!

— Я пришла к Франсу!—раздавалась веселые голоса.—Празднико, Сонька! Я то пришла на шарманки! Лечи, Франсу, лечи!

Франсу спотыкался и склонился на землю, раскрапив в стороны руки.

Женщина закатилась пуще прежнего. К ней подносило несколько человек, она уцепилась за шею одного из них и пониса на нем, а он сбросил ее на землю и заорал:

— Ташите сюда!

Раздалась комарина костер опидала поздних золотыми изувечами на земле сплетались и разбегались принудительные тени, беззаботно и радостно ревели люди, и с новой силой почтывали Алексей, что жизни весела и прекрасна и не может быть иной.

— Ты нас бреешь, что он у тебя растет?—наджинявая голос, кричал ему в лицо юркий маленький человек с огненной бородой.

Он должен строить дом!—крикнул радостно Алексей, помылся на ноги, а глаза у человека неожиданно распухли на лопну и исчезли.

Смесь Алексей отошел от kostera и, спотыкаясь на каждом шагу о раскиданное всюду ломаное дерево, вышел из развалин во двор.

«Погна в тумане по двору, он не позаметил для себя снова скользнувшую от его глаз контуру, и тут же, что-то скрещивая, отошла до тех пор, пока отец не подвергнет ее, что все обстоят благородно в жизни и никто не нарушит порядка ее. Он решительно толкнул двери, но она была заперта. Тогда кулаком он зашибающим по ней все сильнее и гречче, пока, наконец, в комнате не раздался яростный голос отца:

— Что за дьявол?

Алексей не успел ступить, что отец открыл двери, но в комнате опять наступила тишина. Однако не успел Алексей после этого ударить в дверь и двух раз, как она неожиданно распахнулась и перед ним нарасхват фигура отца:

— Убью!!!—заорал отец, трижды над дверь и крикнул:

— Татарин говорит, вы дом не стронте! Правда?

Отец опустил дубину и стих.

— Он прет?—настойчиво спросил Алексей.

Поднесся к голове руку, отец потер ладонью лоб и проруботал:

— Постой. Ты был здесь. Когда?

Вчера, что ли?

— Он прет?—не отставал от него Алексей.

Отец вдруг спиступил ему пальцем плачо, втащил в комнату и, поставив перед собой, спросил в упор:

— Ты что хочешь?

— Вы дом стронте или нет?

— А тебе что делю?

— А как же, без дома? Мне дом мужен.

— Эфион! — закричал Никита Филиппович, встремившись Алексея за плечо. Я вязан дом стронт, что ли?

— Ага, выразил я его руку, нечайно.

— Не стро! Ничего не стро! Сынчины, дурак! —изгнавшись от беспечности, выкрикнул Никита Филиппович. — Я уже отстроился: свой век прожил! Не моя жизнь начинать, а тебе! Ты и начинь, ты и строй, а на готовое не цель! Руки у тебя есть? Банка на плачах есть? Ну и ступай, живи стройся! А мне не мешай! Я поминки спровал! Понял, болван?

— Благодарю! — крикнул Алексей.

— И пропою! До последнего газода пропою! Потому что моя мать! Миню нажито, мино и пропо! И дела до этого никому нет! Слышишь, дурак? За свое добро я перед собой только отвер держу! А ты ступай, откуда-то пришел! Строй себе дом или на голове ходи! Давайте деньги, — завопил вдруг Алексей, наступая на отца с схваткой.

Никита Филиппович замолчал, отшагнул назад и, выгнув шею, тихо и грохо спросил:

— Ты что кричишь?

— Давайте деньги! — повторил Алексей, размахивая руками. — Вы здесь пьянстваете, а там воруют! Нужно дом строить! Давайте деньги!

Никита Филиппович приотступил еще на один шаг и, схватив со стола бутылку, с размахом запустил ее в сына.

— Эфион! — заревел он.

Бутылка угодила Алексею в лоб, он сразу ослеп, пошатнулся, охнул. Потом неверными руками поднял с пола табакетку и швырнулся в отца.

— Ирод! — крикнул Никита Филиппович. — Отца?

Все сидели попыхивая, Алексей сплюнул на него, потянув к лицу руку. Мимо уха его пролетела еще бутылка, со звоном расколотившись о стенку, что-то ударами в грудь, он склонил обеими руками голову, не удержавшись на ногах, упал, матеря ругаясь, попытавшись подняться, но Алексей снова вился за стол и обрушился им на отца — раз, другой, пока отец, не перестал ругаться. Тогда Алексей прорычал на полусыну на полу, прорычал на сына, на отца, вышел из помещения на воздух, присел на землю и всплеснил засыпку.

Очнулся он от сна на рассвете. Бледели ночь, и в легком тумане занималось седло утра. С трудом поднял он с земли озабоченный сыростью тело, опушил пальмы разбитую голову и мутным взглядом повесил вокруг себя восстанавливая в памяти вчерашнее. Дверь в коридору была раскрыта настежь. Приближившись к ней, он заглянул в темноту и, неожиданно, вспомнил про засыпку.

Пробродил он там засыпку, в плащах, гордливо вышел во двор, расстегнув потоготвлен на месте лемлю, быстро сплюнул еще на сколько шагов и, спотыкаясь о тело растянувшегося на земле человека, звонко остановился. Туловище человека шевельнулось, он оторвал от земли большую, густоволосую, дикую голову и промчал что-то неясное.

Я вспомнил, как вдруг громко сказал тогда Алексей, удивленно приподнявшись к своим словам.

Человек медленно приподнялся на руках, вытянул шею и, устремив широко раскрытые глаза в небо, хрюпко забормотал:

— Это... Что это?

Хмурое небо, терпуне рассветом, нико нависло над землей, и в сером преддравесном тумане ясно и спокойно, окруженные оранжевыми лучами, светились белые электрические пиро, поднятые на каменных колоннах из неба. И освещенные ими, в рабочих лесах, в сувором каменном величине выступали из туманных сумерек массивные стены Дома культуры.

— Я отца убил, — повторил Алексей с тупым удивлением.

Стал накрывать дожди.

Церковь под ссыпной пункт.

Зерно в бывшем Владимирском соборе в Веролеже.

ЛИТЕЙЩИКИ

Рисунок А. Нюренберга

«Искусство в массы».

У СТОЛА СОРТИРОВЩИКА

А. Ефимов

Он привык, что к нему сюда
Бросают по хромометру
Письмоносы и поезды
Бунты цветных конвертов.

Он привык... А иначе вояжчики,
Помышли: на столе лубоком
Сортируют в обрывках жизни,
Скрытуя кинены слова.

Зачодузь? Село? Как знать?
(Штеппель часто сыграет дробью...)
О чём? О земле неудобной
Или балтфлоту мати?

Отвечай про «все подборное»?

А это вот, темно-синее—
Деловато, таков с виду?

Что в нем? О керосине
Или о помощи инвалид?

Строка за строкой охотится,
Оброешись: в гор. Одес...
Представляется мне работница,
Начавшая ликбез.

Осеня. Ветер, покинув высоты,
Мчит по улицам эстафету.
Ли смотрю, как в цветных пакетах
Неуемная бьется жизнь.

ЗАГС

Дмитрий Левоновский

Телеги. Лошади. Солома,
Навоза жирная гора.
Невесты—семечки грязут,
Под вышиней сенью исполнкома
Толпится очередь с утра.

Жрет овес курчавый мерин,
Невесты—семечки грязут,
И ожиданье дено измерен,
И мысли засухой полуз.

А ветер вяло от ворот
Доносит слово: «недород».

Но вот открылась дверь: в мгновенье
Вскочили с бревен и телег,
И в кабинет свой, как священник,
Прошел мохнатый человек.

Там в алтаре его зеленом
Кипят чернильные дармы,
И пухнут девки от поклонов
И в доск потеют от жары...

Галоши новые сняют,
Рубахи белые горят...
Толпится. Лезут. Напирают.
Кричат. Воркуют. Говорят.

Конечно, пахнет самогонкой,
Очумами в нос отдаст...
Старик здесь крестится сторонкой
(Калинина не узнает).

Вступают пары за порог
В пыли проселочных дорог...

Так день окончен. Грома выстрел
Гремит, как ящики на возу.
И взгляд усталый искрой быстрой
Зарегистрировал грозу.

И лишь замолкнул за углом он,
Как линь радостью горят.
Он машинально... (жест знакомый)
Заносит в «книгу актов», в ряд:
«Сей брак дождя и чернозема
Печати молний подтверждат»...

ГАЗ

Очерк В

Противогазы в английской армии.

«Трудно передать смятение и страх, охватившие цветные войска, при виде громадного желто-зеленого облака, мгленно надвигающегося со стороны противника, затекающего во все виды оружия и вооружения, не имеющего окопов, рам и воронок от разрывов артиллерийских снарядов. С чувством изумления и ужаса цветные стрелки смотрели из грозной волны, приближающуюся с каждой минутой. После того как передний край газовой волны достиг окопов, раздались стоянны газоотравленных, крики, полные смерти, и вскоре волна стала падать на землю. Через несколько секунд вспыхнула паника: все, что способно было двигаться, бросилось бежать, спасаясь от газов волны, неумолимо настигавшей беглецов, большей частью погибших в муках удушья».

Так английский писатель запечатлев первое нарушение международного соглашения о том, что «в военных действиях применять химические, отравляющие вещества нельзя».

В 1915 г. 22 апреля, окопы англичан и французов испытали первую газобаллонную атаку, поднявшую суперъяркий облак газа, который бежали от неизвестного до сих пор оружия, химического оружия — газа хлора.

Результат с военной точки зрения — не плох: две дивизии — французская и английская — были выведены из строя. Потом 15 000 человек пострадали от этой первой газовой атаки. 5 000 бойцов здесь же из позиций остались трупами.

Германия сделала начало, и вполне понятно, почему именно она: *накануне мировой войны Германия была первой страной в Европе по развитию химической промышленности*.

В то же время ряд материалов говорит о том, что идея применения отравляющих веществ в борьбе с противником зародилась

ОТКРЫТИЯ, ИЗОБРЕТЕНИЯ, ДОСТИЖЕНИЯ НАУКИ БУРЖУАЗИИ ПРЕПЬЯРАЦИИ В ОРУДИЯ РАЗРУШЕНИЯ.

С КАЖДЫМ ГОДОМ ВОЕННАЯ ТЕХНИКА ЧУДОВИЩНЫМИ ШАГАМИ ДВИЖЕТСЯ ВПЕРЕД. РОДЯТСЯ НОВЫЕ И НОВЫЕ СПОСОБЫ УНИЧТОЖЕНИЯ ИСРЕДИ НИХ САМЫМИ СТРАШНЫМИ, САМЫМИ ЖЕСТОКИМИ ЯВЛЯЮТСЯ САДОСТЬЮ ХИМИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ. И ЕСЛИ БУДЕТ НАКАДА ПРИВАДА, КАЗОВАЯ АТАКА ЗАСТАВИЛА ПЕРЕСТРОНЬ ВСЮ ТАКТИКУ И СТРАТЕГИЮ, ТО ТЕПЕРЬ НАКАНУННЕ ГРЯДУЩИХ КЛАССОВЫХ БОЕВ — НУЖНО ЖДАТЬ НОВЫХ «ХИМИЧЕСКИХ СЮРПРИЗОВ», ПРИ ПОМОЩИ КОТОРЫХ КАПИТАЛИЗМ ПОСТАНОВЛЯЕТСЯ УДЕРЖИВАТЬ СВОЮ ВЛАСТЬ. НЕДАРОМ БУРЖУАЗИЯ ГОТОВИТСЯ К ВОЙНЕ.

далеко до мировой войны. Так, в Крымскую кампанию английский адмирал Дэндиональд предложил правительству проект взятия Севастополя с помощью паров серы.

Столица привела меморандум адмирала Дэндиональда, поданный правительству, от 7 августа 1855 г.

«При осмотре серных печей в июле 1811 г. я заметил, что дым, который выделяется во время грубого процесса плавки серы, сначала, вследствие теплоты, поддается ксеру, но вскоре он плавит, увеличивая свою плотность и плавится в большом пространстве губительным для всякого живого существа. Оказалось, что существует приказ, запрещающий людям спать в районе трех миль в окружности от печей во время плавки. Этот факт я решил применить для нанесения ущерба врагу».

На приведенном отрывке видно, как со вершилося случайно в голову английского воинка пришла мысль о применении отравляющих веществ в борьбе с неприятелем.

Если раньше, в жуткие, кровью пропитавшиеся годы империалистической войны 1/2 армии погибло от отравляющих веществ, если газовая атака в 1915—18 гг. извадила неизвестную пищу из суперъяркого газа и роте, если босой спасался от газа только тем, что смачивал носовой платок мочей и, прокладывая его к носу, дышал через такой

Совсемахимовы в противогазах

примитивный газопредохранитель, — то сейчас положение другое.

На газ есть противогаз.

Это значит отличие не только бойцы Красной армии, это хорошо усвоили и жители железнодорожники Н-ского узла, Октябрьских дорог, составив крепкое ядро, в любую минуту готовые выйти на воздушнохимическую оборону советского транспорта.

— Что такое инпр?

— Как проходит поезд через отравленную местность?

— Какое участие в химападении принял авиация?

— Почему газобаллонная атака производится ночью?

А я, пожалуйста, отвечу. А вот каждый железнодорожник, занимающийся в авиационном отряде Н-ского узла, он ответит вам на любой вопрос, объяснит подрыв и скажет, почему противогаз «ГТС» лучше противогаза «Кумысова-Зеленского».

Черным покровом пасмурной ночи покрылась переливающаяся сталью сеть железнодорожных линий Н-ского узла.

В полуночной буке дремлет сонный спрэлокин, прикурен науд «Морзе» усталый телеграфист, сгорбленный склонился над грузовым оборотом дежурный по станции, в незаменимой потрепанной красной фуражке.

Д-р-р-р...

Пронзительный звонок нарушал почтой ночной уснувшей станции. Звонок особого назначения: это — химсанитария, кричка о приближающейся химической опасности.

Телефон вызвал дежурного:

— Алло. Да. Штаб химобороны.. Химразведкой замечен приближающийся самолет-бомбардировщик «Барин».

Ничего себе, сюрприз — бомбардировщик стальная птичка, каждый мотор — в 400 лошадиных сил. И тащит она с собой 400 кг логранчиков, начиненных, повидимому, горючим газом, ипритом, обладающим нарывным действием.

Мало того. В телефонограмме добавлено, что очень возможна аэротака зажигательными бомбами, начиненными фосфором, термитом, металлическим натрием...

... Телефонные провода напряжены до крайности. Штаб авиакомбороны не отрывается от запотевшей телефонной трубы.

Дымовая завеса.

И Д Е Т

тора Краузе

на занятиях по стрельбе.

Два отряда железнодорожников с противогазами, на боевом положении, рассыпались по территории узла и убирают все, что представляет собой легко воспламеняющийся материал.

Они устанавливают дежурство пожарных команд и вызывают в помощь себе особые дежурные пожарные команды из наиболее отдаленных населенных узлов.

По сигналу воздушной тревоги, они должны будут приступить к тушению пожара, даже и в отравленной местности. А это вполне возможно. Чтобы затруднить тушение пожаров противник, наверняка, вместе с зажигательными «челомедиками» скинет и несколько химических с отравляющими веществами.

На первом этаже выстроилась команда дегазаторов. На них возложена задача по обезвреживанию местности от инфильтра. Все железнодорожники этой команды в противогазах, в специальных защитных перчатках. А перед тем, как нарядиться в эти почти водолазные костюмы, каждый из команды смыкал тщательно свое тело особой цинковкой.

Легонько, шутить не приходится: тела должны быть совершенно изолированы. Достаточно капли инфильтра попасть на руку, и через 2–3 часа огромный нарыв начнет о том, что вы отравлены.

— Алло! Блокираторный пост. Алло! Электростанция. Эскадрилья идет с юго-запада... Затушить, выключить свет... Оставить только замаскированные фонари и сигналы на стражах некоторых... Алло... Понял.

Уезд почти в темноте. Кое-где мелькают светящимися сигнальные фонари. Свет виден только сбоку — его видят только машины и кондукторы. Сверху, благодаря маскировке, неприятель не замечает огней.

Запасные кондукторы и паровозные бригады, вооружившись противогазами, переходят в подвалное, изолированное помещение — газоубежище — и перетаскивают туда продукты провизии, имеющиеся в узле.

В газоубежище сложены также запасы воды. Штаб не зря дал это распоржение, так как продукты и вода отравляются инфильтром и ногоды после этого к употреблению. Иногда даже через 50 дней после отравления в воде находят инфильтр.

Сейчас же оповестить население... сообщить о расположении газоубежища. Раздать оставшиеся противогазы...

МЫ ХОТИМ МИРА, НО НА СЛУЧАЙ ВОЙНЫ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ГОТОВЫ К ОТПОРУ.

МЫ НЕ ИМЕЕМ ПРАВА ЗАКРЫВАТЬ ГЛАЗА НА ПОДГОТОВКУ НАСТУПЛЕНИЯ НАСОВЕТСКИЙ СОЮЗ. НА РОСТ ВООРУЖЕНИЯ БУРЖУАЗНЫХ АРМИЙ НА РАЗВИТИЕ ТЕХНИКИ ВОЕННОГО ДЕЯНИЯ МЫ ДОЛЖНЫ ОТВЕТИТЬ УЛУЧШЕНИЕМ ТЕХНИКИ ОБОРОНЫ.

И, чтобы в случае войны не растеряться, не впасть в панику, чтобы не дать врагам внезапно умертвить наши главные жизненные центры, мы прежде всего должны подготовиться к химической обороне.

КАЖДЫЙ ТРУДЯЩИЙСЯ ДОЛЖЕН УМЕТЬ ОБРАЩАТЬСЯ С ПРОТИВОГАЗОМ.

Специальные отряды распылились по домам. В каждом доме, жилых помещениях закрывают входные отверстия, забивают щели, запирают окна, прекращают, чтобы не было потока воздуха, то есть почек.

— Бах-х-х...

Оглушающий взрыв и громадное серое облако.

Первая бомба брошена. Повидиму «противник» целился в водокачку. Разрыв же произошел в самой водокачке. Глыбы глинчатого «главного пути разорваны», условно, конечно. Если эту цель выбрал «противник», дело плохо. Нужно как раз мимо водокачки пропустить товарный поезд.

Дежурный в противогазе дал отправление. Стальной конига, на этот раз не скрывающим своим громадным фонариком, нервно вздрогнув и медленно пополз по земле.

Дегазаторы уже в водокачке. Отравленная местность освещена предупредительными вехами с надписью «опасно».

Вызываются ямы, туда закапываются снятые верхние слои пораженной земли и засыпаются хлорной известью.

— Как санитары? — спрашивает дегазатор. — Продолжай готовность — несетесь из трубки... Две отравленные доставлены в газоубежище. Ноциальный отряд № 3 сейчас отправляем в депо...

Дегазатор в специальном костюме обезвреживает местность, зараженную инфильтром.

В конюшнях путевиков дошли преобразились. На мордах — маски-торбы. Чуть на сторожки улиц, они как-то непривычно чувствуют себя в этом одеянии.

Звонок...

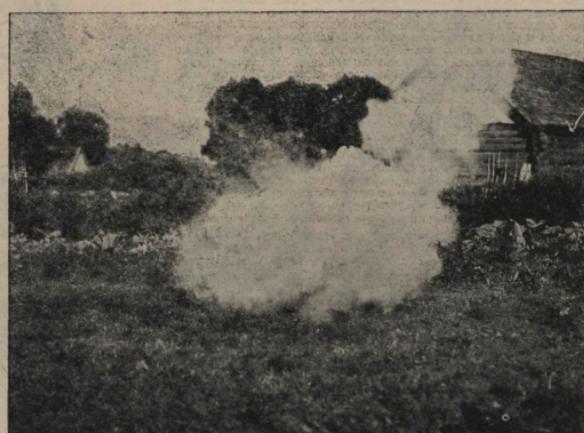
— Два артиза путевиков на 3-й километр. В противогазах... Исправлять поврежденный путь...

Так проходит воздушно-химическое обучение в одном из лучших отрядов Н-ского узла Октябрьских десантов.

С каждым днем крепнет ядро осознанно-мощев, готовых в любую минуту встретитьрага с неба, лесущего скопризные «чесы» и поджигающие деревни несущие приятными веществами.

Каждый осознанниковец может смело заявить, что свое предприятие, свой город он защитить сумеет.

Эту науку он уже познал.

Взрыв химического спарта.

Рассказ Бария

Дом, в котором я провел детство, был населен блатными, торговцами, продававшими свои последние скрабы, небрежные парикмахерские, сложниками, снобом и летом ходившими почти что босиком.

Двор, теснился лицетом и волью, стоял непрятаный богатой синагогой. Синагога была построена на средства богатого еврея, редактора частной газеты, румынского патриарха Абрама Финкеля. Напротив синагоги стоял деревянный дом, там проживали еврейские солдаты, румынские солдаты. Проститутки давали им одно имя — «загадка», и на эту слово они отвечали, как на приветствие. Когда мне было 10 лет, я спросил свою учительницу, Фани Марковичу, что такое проституция. Это слово я впервые прочел не в книжке, не то в газете и, не понимая его, я захотел получить объяснение. Учительница, девушка, нахмурила брови и негромко ответила:

— Подрастешь — узнаешь.

Я ушел и себе в комнату и, глядя в окно на большой и волнующийся мир, на пух зеленой и пекущей зелени, я разодалась и скорбел. Мне было радостно оттого, что мир такой большой, с небом, землею, с цветами, и было больно видеть двор, где каждый был искалечен этой же большой жизнью. Как только начинался вечер, в темноте, перекресток Мясницкой улицы, я видел, как из обшитой дощечками вагонетки, висевшей, она вагонетка не занималась, и так все вместе — и необыкновенный мир, он с лестца зиномый забор, и сложник, и блатной, и публичный дом, синагога — смешалось в моем детском сознании. Я думал, почему же это учительница, которая всегда все объясняет, однако, что без помощи учительницы жизнь сама объясняла мне это слово. Публичный дом, который стоял напротив нашего дома, ответил мне на этот вопрос. И в 10 лет, счастливым детским образом, о котором так много написал литераторов русских и европейских, я впервые понял, что мир вспыхивает с одинаковой силой язом нравственности, ищет, чтобы вспыхнуть и подогреть человека предзатраты даже спасения.

Однажды, когда над городом стояла феерическая вечеринка телега, к нам в комнату пришла высокая, добродушная, крепко сложенная женщина, с лицом пыльницы, с крымскими глазами. Ее привела моя мать. Я был потрясен, меня сняли с моей кровати, положили на пол. Я скоро уснул, а утром, проснувшись, услышал густой, тяжелый храп незнакомой женщины. Мать моя предупредила меня:

— Ну, Левочка, будь тихий, не шали, эта женщина «граф», она приехала из Польши, и ей нужно отдохнуть, она в городе никого не знает, она одолеет у нас, и мы, Левочка, заработаем на хлеб.

Если бы мне сказали, что такое сложник, проститутка, ремесленник, блатной, фраер, матрос, солдат, воинопределеющийся, даже поручик — я бы сразу понял. Но это слово «граф» оставалось для меня холодным, и оно никак не тронуло мое любопытство. Граф, так граф, чорт ты плачешь?

Не знаю почему, но к этой женщине я даже не присматривался, а если и был, то не долго. Однажды, когда я вернулся в комнату, сказала я про себя, заплачала. В комнате никого не было. Имела ее мать. Всегда, когда она приходила, я уходил, не желая беспокоить квартрантику. Ей остановилась впереди окна этой женщины и, глядя испуганными глазами, точно меня кто-то сбил, спросила себя неслышно: почему она плачет? А потом подошла к женщине, положила свою детскую руку на ее стареющую руку и спросила:

— Граф, граф, чорт ты плачешь?

Предметы южного города царской России. Сквозь призму наблюдений мальчика-по-гостинице дана картина нищеты, безысходного прозябания людей «последней четверти». Автор знакомит читателя с обитателями домов терпимости, скрупулезно обрисовывая черты «графа» — проститутки, носящей эту кличку.

«Граф», лаская меня, поцеловала меня в голову, лоб и сказала мне:

— Маленький мой, хороший, не надо спрашивать! Я перестала спрашивать, она перестала плакать. Потом я выбежала на улицу. Мне показалась моя товарищ, и мы отправились вместе к морю. Возвращаясь домой, я увидела, что ветер стучался через горы, через порт, через мост в город. Небо было мрачным и гутином, а волны ходили зелеными, с белой пеной, тяжелые, бездумные и жестькие. Мы с товарищем разделась.

Устальный рыбак с фландрской картиной, вспомни Степана пест.

— Ой! мое море, зачем ты так сердиться, когда ты погибши в эту ночь? Жду я своего сына, отдать мне, море, придет или не придет он.

Голые, мы побежали навстречу светящемуся огню. Около рыбачьей хижины, была большая куча, из которой спасли одного человека, другого его не видно было. Очертания лица, которые сматывались даже в самую гаухую непогоду, гропали, и я никак не мог разобрать, кого я вижу. Рыбак дал нам конфет, спросил, откуда мы, и потом сказал:

— Погибшего, пытесь?

Я ответила:

— Когда мама уходит рано на работу, часов в шесть, тогда я чаю не пью, а когда она уходит позже, я пью чай.

Моя малый товарищ-сосед почесался молчал. Я сказала рыбаку:

— Дорога, ты же не злой, а мой товарищ тебе болтает.

— Как зовут этого товарища? — спросил фландрский рыбак с русским именем Степана.

— Семик! — ответила радостно товарищ вместо меня.

Тогда рыбак встал и крикнул голобом, которым кричат только в сказках Андерсена.

Вылезел белоголовый мальчишка, его участье поистине была счастливая: у него было восемьдесят городского. Если бы мне тогда было двадцать лет, я не познавал бы этому счастью, потому что я знал бы, что в Москве позиция керосина похожи иногда на римлян. Так мы познакомили первое знакомство с новым товарищем. Сидя на костре и слушая рев беспечного моря, мы пили чай, ожидая не-

предметного конца необычайной и трудной сказки о людях моря, которую рассказывала рыбак. Утром, когда писнула заря первоначальной свежестью, когда рассвет стал на плечи города, мы пошли домой.

«Граф» показывалась реже и реже, она приходила позже, часа в два ночи. Мать суетливо выбегала, открывала дверь, я тогда теряла сон. Однажды вечером я неожиданно задумалась: кто же наш «граф»?

«Граф» рассказывала о мужчинах, о сплошных ухажерах и, вынув из старого, грязного кошелька фотографии бравого унтер-офицера, сказала:

— Вот мой жених. Мы с ним знакомы с самого детства, и когда он кончит военную службу, мы поменяемся.

Мать моя терпеливо и мозгу выслушивала блестательные речи «графа» о своих успехах и прекрасных делах. Она рассказывала, как один подковзник, у которого было жилье, когда тот забылся в час, что пропадает ей жить с ним в меблированных комнатах. Это меня смущало, — что такое меблированные комнаты, я уже знал. Во времена войны 1914 года в Одессе прислали сартов. Мой товарищ за пятачок привез их в меблированные комнаты, и я спросила, что «граф» это проститутка.

— Ругалась, — сказала мать, — но я услышала пробудившись крепкое материнское слово. Во сне «граф» ругалась хуже ломового извозчика.

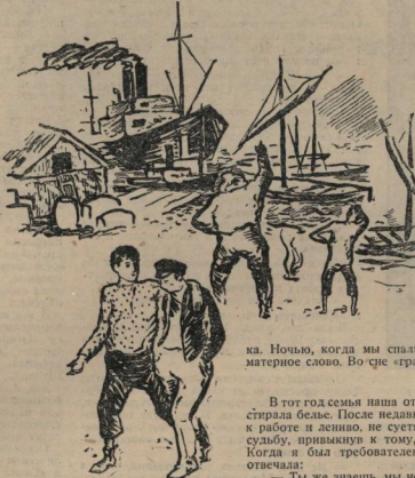
Ночью, когда мы спали, я услышала отошла необычайно. Мать не так ловко спирала белые. После недавней операции она потеряла силу и вкус

к работе и лениво, не суетясь, механически смотрела на свою судьбу, привыкнув к тому, что они и дети должны голодать. Когда я был требователен и стучал ногами, чтобы еда, она отвечала:

— Ты же знаешь, мы не богаты, вот скоро «граф» отдаст нам квартиру плату, и тогда я тебя накормлю.

«Граф» жила у нас, я жил мечтами о дне, когда мать меня накормит. А она привычно, ничем не смущаясь, вертала свою обычную ляжку необычайно трудной жизни, вертала без вдохновения, без радости, как мельницы крыльями.

«Граф» пропала. И только через несколько дней появилась и, перевевшись, ушла навсегда.

КОХОЗНЫЙ СССР

Кохозники приехали на съезд.

Коммунар за постройкой срал.

В БОЛОТЕ МИСТИКИ И РЕЛИГИИ

(На процессе Дмитрия Шульца)

Ю. Адам.

Вещественные доказательства по делу Шульца.

— Сначала Шульц заставил нас поверить в духов, а после духов заставили нас поверить в Шульца.

Бот основной метод, давший возможность «последнему пророку» создать его контрреволюционную секту: Начав со спиритуалистической секции «Утешение», Юрий, Дмитрий Шульц занесли свою крамадию организацией «единого храма» в Москву.

И не случайно последователи Шульца — творца новой универсальной религии, состоявшим из обрывков корана, талмуда и евангелия, — в большинстве были детьми мелкой буржуазии, детьми интеллигентии, искавшими «души и истины» в откровениях Мережковского и Ницше, Толстого. В годы революционных скандалов в лице социалистической стройки эта молодежь, застрявшая в щелках обывательской мистики («последнего пророка»), решила, что истина только здесь — за столиком на спиритуалистической сеансии, под руководством старших с цветами и с чашами нудных стаканов.

По крайней мере, так решили Григорий Зайцев, Николай Макаров, его сестра Нина и остальные члены группы Дмитрия Шульца.

«Большое звено» сило верило своему учителю. Не зря тайная книга Шульца «Утешение», состоявшая из несколким «слов», была насквозь пропитана строгой конспирацией и бешеной ненавистью ко всему, окружавшему ее.

Любви провозвестник новой религии, прежде всего, начал с внешности. Таинственные сабиания в темных комнатах, загробные гомилии, вызовы духов, магические сеансы, или «складки» бесконечные разговоры о вечной красоте — привлекли сюда подлецов, захваченных вчерашним днем и вчерашними традициями.

К Шульцу, в его «едином храме», шли люди, шла молодежь, чуждая революционной общественности. Не зря комсомолка Малкина сразу ушла от своих подруг, заваливших ее в компанию шульцовских единомышленников.

Кто же оставался в секции Дмитрия Шульца?

Оставались Зайцев, Макаровы, сначала увлеченные «духами» и «утешением», спасшими потом безродными рабами Шульца и его учеников.

Молодая вышибла богослужения, сопровождавшиеся разрывом и пытками, Дмитрий Шульц, в конце концов, становится на-

стоящим хозяином своих молодых последователей. Ничего не делая в последние пять лет, Шульц решил, что его должны солировать члены «большого и малого звена». И вот, когда упоращенной молодежи не стало денег, Шульц, опять-таки при помощи вызванных «духов», отправляет своих учеников на югу Москвы.

Дух Карпуха — московского голоштаника — приказывает вам ити и собираить молостые.

Карпуха — московский голоштаник, он же Дмитрий Шульц — решил убить двух зайцев сразу. Во-первых, обеспечить себя достаточной суммой денег, во-вторых, вынести на улицу своих контрреволюционных учеников.

Идите в многоголосные интеллигентные районы. Стоите с противной рукой около иностранных посольств.

— Пусть благородные иностранцы увидят весь ужас советской действительности и социализма.

Юноши и девушки шли. Стояли около подъездов посольств, на шумных перекрестках улиц и площадей.

— Подайте иницищу интеллигенту.

— Войдите в положение.

Были дни, когда Нина Макарова приносила по 15—20 рублей. Эти деньги уходили на школок, духи и другие подарки «последнему пророку».

Однажды кто-то из товарищей встретил Нину, просящую на улице милостыню. Это было в мае 1928 года. Тогда в Москве еще училась Макарова. И начавшее обследование, которое должно было быть произведено у нее. Нина идет к себе в консерваторию и говорит:

— Не ходи никаких обследований, хотя я нуждаюсь. Исклучите меня из числа учеников.

Чтобы укрепить свой «святейший» авторитет, Дмитрий Шульц явил для членов «единого храма» так называемые «подзаказы» — жестокие телесные наказания.

Николай Макаров рассказывает историю избиения и пыток.

Началось с разоз. Надо сказать, что Григорий Зайцев получал до 700 ударов. Потом было введение двухвостости-плети, кончики которых заканчивались колтыми и проволочными и железнymi прутьями. Особенно часто практиковался излюбленный способ старой школы — ставили на горах головы коленами.

И, наконец, в конце 1928 г. было введено прижигание тела раскаленными крестами из железной проволоки.

Группа Дмитрия Шульца была старательно изолирована им от окружающих, которые в зарубе секты назывались «бесами». Под эту рубрику подложили безбожники и коммунисты, называвшие главными «бесами».

— Маркс и Ленин — величайшие пророки саганы, веяния в своем «Утешении» Дмитрий Шульц.

Каждая встреча с «бесами» изменяло сопровождалась избиениями и пытками.

— Били по всякому поводу, за каждый пустяк, — говорил Григорий Зайцев.

Зайцев знал, что никого вышибать не надо, что наступают времена хаоса, а немытый мелкий, за то, что в «пресвитерской» комнате, где жил сам Шульц, появился муха.

Кстати, за каждую муху в «пресвитерской» погонялась пять пакетных ударов.

Все это было введенено по текстам «Утешения», которые члены секты должны были знать наизусть, было применено выжигание крестов на теле. Особенно много таких крестов имел Зайцев — около 40, и Нина Макарова — около 30.

Равнодушные к мукам пыток, длине драки, во время которых летели висячие зубы и потоками лилась кровь, стали в едином храме обычным явлением. Жизнь членов шульцовской секты стала совершенно немытой, когда «последний пророк» объяснял своим ученикам о том, что от переполненного желудка выходит Меточук.

В эти же времена «Утешение» Шульца было переделано в современный лад. В эту книгу «Откровение» было введено «Слово о труде». Это была наиболее контроллереволюционная глава «Утешения» Дмитрия Шульца.

Как большинство сектантских изуверов, покорявших «пророком» мир, вследствие падения царства антихриста — советской власти, о том, что первые бомбы падают в Кремль и т. д.

Обсоблено откровение, без всяких символических фокусов, Дмитрий Шульц говорил в «Слове о труде» о том, что каждый рабочий занятый в социалистической промышленности, — раб, осел, несущий чужую пищу.

— Машин в коллективном предприятии — самый отвратительный идол, перед которым сейчас преклоняются рабы. Хороша машина, если она занятая в частном производстве — мурлыка болгарский воспитанник. Нижегородского кадетского, имени генерала Аракчеева, корпуса — дворянин Дмитрий Шульц.

Кажется невероятным, что в течение девяти лет на Бакунинской ул., в Москве, мог существовать «единий храм» Шульца.

Если бы кто-нибудь осмелился выдать организацию, она бы убий, — говорит ряд свидетелей.

Предыдущий судебный процесс над Дмитрием Шульцем и его сообщниками вскрылся перед лицом общественности контрреволюционной сущности «единого храма», показавшей интересы «пресвитерской» церкви спасения и покоя в религиозно-мистической болтовне последних пророков — агентов классового врага.

Участники процесса Шульца.

СПОРТ ВНЕ ПОЛИТИКИ*

О. Владимиров

Этот лозунг жирными буквами снят на знаменах буржуазных спортивных ассоциаций. А вид иллюстрации к лозунгу...

Недавно в газете «Французская рабочая газета» команда немецких рабочих-спортсменов, приглашенная на состязание французскими рабочими-спортсменами в Париже, О, конечно, не из политических соображений. Конечно, нет! Рабочие-спортсмены не Германии не допущены потому, что, по мнению французского жандарма (бездоводящего их карманы), «они не имеют при себе достаточных средств для прожития во Франции».

В те же дни буржуазная Франция принимала у себя итальянскую фашистскую футбольную команду. На этот раз пограничники команда содержимым карманов футболистов. Очевидно, что и шинистов был вполне добродорождаемый вид и их честные физиономии.

Иные посмотрели на это дело французские рабочие-спортсмены. Возмущенные недопускением немецких товарищей, они явились на стадион и грандиозной демонстрацией короли фашистской матчи. Полиции арестовано 13 рабочих.. Несколько ранено.

Спорт вне политики... В Саксонии полиция, угрожая рабочим-спортсменам и резиновыми дубинками, «не допускает»... хоккейное состязание двух местных команд рабочих-спортсменов.

Спорт вне политики... Берлинский социал-жандарм Зеперин «запрещает» рабочим-спортсменам въезд на международный рабочий праздник в Германию. Почему? «Министерство не обязано давать ответ в своих действиях».

Спорт вне политики. Товарищ Бэрк, секретарь рабочего спортивного союза Америки, английским посольством в Берлине отказано во въезде в Англию. Красноречивый чиновник вдруг буквально следующее: «Вы были в Советской России два месяца, значит вы коммунист». Бедный чиновник! Он и не подозревал, какой комплимент неизважий отпустил скромным советским физкультурникам.

Приведенные выше примеры иллюстрируют одну сторону ожесточенной борьбы буржуазии со спортом, организованной рабочей массой под предсатионом спортивных. Этак, как сказать, война обронительная, куда их? Не пускай! Или опять-таки американец с двухместным советским стажем. Но пускай!. Однако существует и другие стороны — наступательная. И вот пример лихой атаки по всем правилам старого корсарского искусства.

Летом 1929 г. несколько яхт ленинградских физкультурников ходили в спортивных походах. Отчумившие в финских водах и имея на это разрешение властей, яхты бросали якоря в одном из финских портов. И тут же, на первом месте в столице Финляндии. Место указали. Установите физкультурники пароходом на яхтах под темно-добропородичной державой. Мы, оттуда оказались еще полной темноты, в маленькие суденышки отвались врезалась финляндский пароход. Яхты были изувечены. Одна разбита в щели. Финляндский корсар победно удался, окунувшись облаком торжественного дыма. За клубами дыма не видно было, что делается на палубе. Возможно, по команде храброго капитана, так торжественно прислужил финляндским флагом стающим морским разбойникам.

Однако Финляндия не сочла это достаточным удовлетворения — страна с высоким разитием капитализма. В Гельсингфорсе есть суд. И туда обратились, побежденные советские физкультурники.

Совсем недавно суд, наконец, загобогозил рассмотреть дело о предварительном налете на советские яхты. Однако слушалась маленькая заковыка. Трудно было доказать подлинность случаившегося, ибо суд отказался допустить наших свидетелей — «как безбожники, не имеющие ни чести, ни совести».

Комментарии излиши. Добавим только, что в это же время в Финляндии арестованы председатель комитета Красного спортивного единства тов. Сильвиан и редактор рабочего спортивного журнала Ламинен... Власти искореняют «безбожие» и у себя дома.

Случай эти почти анекдотичны. Они могли бы послужить материалом для незадачливого юмориста. Было бы очень смешно, если бы они были изображены в виде сценок из истории классовой борьбы. Если бы яростное насаждение на рабочее спортивное движение не было бы одновременно одним из звеньев цепи капиталистического наступления на Советский Союз. Если бы, наконец, застрелившими этого наступления не выступали еще сильные в рабочем спортивном движении социал-фашисты.

Большинство рабочих спортивных организаций еще примикает к реформистскому Лицерскому спортивному интернационалу. Внутри этого интернационала рабочие борются за единство с Красным спортивным интернационалом (КСИ).

Борьба с социал-фашистским руководством, которое не оставляет никаких промежуточных расколом, подсчитанных целях организаций, лишь бы уберечься от грязного призыва коммунизма. Исключаются рабочие-спортсмены за малейшее проявление симпатии к СССР. Исключенные подвергаются преследованию государстенных властей. В этом отношении у социал-демократов существует удивительная «согласованность» с собственными капиталистами. Никакого боярства. Исключенные механически переводятся из участия в партии, оппозиционным организациям, организациям, принимающим к КСИ, чинят миллионы препятствий, которые иногда являются даже смертельными.

Руководители Лицерского интернационала еще недавно под давлением масштабного разогревания об единстве мирового рабочего спортивного движения. Ныне, повинуясь дерикерской палочке капиталистов, они стали на путь ожесточенной борьбы и репрессий. Вожди быстро и решительно переизделиваются.

Вот характернейший «стаж».

Бруно Кални — руководитель скандинавского объединения Лицерского интернационала.

Бывший скандинавский физкультурник, сын покойного этого речистого субъекта, скандинавской на московских соревнованиях в честь 10-летия Советского Союза и единству рабочего спортивного движения, Бруно Кални, будучи гостем в Москве, с апетитом улетел съетское угущение и произносил горячие речи о наших достижениях. Где теперь достопочтенный гость? У себя, Бруно Кални разлежал по Скандинавии и рассказывает рабочим-спортсменам об ужасах Советского Союза. Этакое удешевленное издание Пантиста Истры, не стесняясь гонорарами, может произнести часовую речь о кознях коммунистического единства. За небольшую «нагрузку» Бруно говорит рабочим Скандинавии Скандинавии о том, что им не следует ехать в страну, где их могут даже убить...

Бруно предлагает другое. Зачем таскаться, когда у себя дома гораздо лучше, чем в СССР. Бруно Кални распаршивается!.. Помогите же Францию, на Германию! Там каждый рабочий может заниматься спортом у себя же на фабрике. Господин капиталист для него оборудует превосходный стадион и спортивный зал. И право же за небольшую цену... Откажитесь от классовой борьбы! Несите всю энергию на завод, предприниматель! Помышлайте интенсивность труда!. Европею, последнего социалистических коммивояжера не говорят. Приводят в пример Скандинавию о том, что им не следует ехать в страну, где их могут даже убить...

Бруно предлагает другое. Зачем таскаться, когда у себя дома гораздо лучше, чем в СССР. Бруно Кални распаршивается!.. Помогите же Францию, на Германию! Там каждый рабочий может заниматься спортом у себя же на фабрике. Господин капиталист для него оборудует превосходный стадион и спортивный зал. И право же за небольшую цену... Откажитесь от классовой борьбы! Несите всю энергию на завод, предприниматель! Помышлайте интенсивность труда!. Европею, последнего социалистических коммивояжера не говорят. Приводят в пример Скандинавию о том, что им не следует ехать в страну, где их могут даже убить...

«Фабрично-заводской спортивный клуб является важным звеном в установлении мирного сотрудничества между предпринимателями и рабочими. Он является возможностью к непринципиальному сближению и взаимному пониманию между начальником и подчиненным». И немного ниже разъясняет:

«...Где прежде было неподвижность и медлительность, там теперь живой темперамент. Таким образом, спортивное движение представляет собой соединение приятного с полезным».

В чем же полезность спорта, по мнению господ капиталистов?

«...Живой спортивный дух проявляется в и работоспособности».

Вот оно, оказывается, в чем дело!

« Спортивный дух и спортивное приложение нужно развивать не только на спортивных площадках. Это бодрое, веселое настроение нужно пронести и в работу (!). Будь спортсменом в своей работе, и тогда не сомневайся в успехе, радостью, с такой же осмотрительностью, с той же нежадохливостью».

Вряд ли советская молодежь нужна разъяснить этот новый маневр капиталистического закабаления рабочих. Пора капиталистической рационализации требует выхимания из рабочего все большего и большего количества энергии. Капиталист постепенно завоевывает и свободное время рабочего. В часы отдыха он тренирует его «для бодрости и веселого настроения», чтобы в нем «был приспособленный к работе». Самая главная роль в этом новом сочинении принадлежит играющим, по обикновению, социал-фашистам, придерживающимся в лучшем случае благожелательного пейтрапизма в отношении фабрично-заводского спорта, а иногда являющимися прямыми его проводниками в рабочие массы.

Как же борются рабочие-спортсмены против социал-фашистской политики и «практики» капиталистов?

Спортивные организации, союзы, ассоциации, ассоциации с оффицерами, конгрессы рабочих-спортсменов (оппозиционеров), примыкающие к КСИ. Такие собрания и конгрессы состоялись в целом ряде местностей Германии, Франции, Финляндии и Скандинавских стран.

Усилившаяся после последнего конгресса Лондонского спортивного расколистнической деятельности социал-фашистов и преследование исключенных рабочих-спортсменов встречают энергичное сопротивление рядом рабочих.

Соединяясь между исключенными и оппозиционными спортивными ногтями международный характер. Рабочие-спортсмены семейства ЛСИ проводят с исключенными международные товарищеские встречи, выносят резолюции солидарности и т. д. Так состоялись

встречи швейцарских футболистов с исключенными рабочими-спортсменами Германии. Рабоче-спортсмены Эльзас-Лотарингии также организуют встречи с ними в Страсбурге и т. д.

Не так давно в Стокгольме состоялся конгресс рабочего спорта Швеции, на котором было принято решение о создании самостоятельного шведского рабочего спортивного союза и о присоединении его к КСИ.

Комментируя решение шведского АИФ, центральный орган коммунистической партии Норвегии пишет:

«...Этот рабочий спортивный союз станет ближайшим союзником Норвежского рабочего спортивного союза. Мы ничего лучше не можем желать нашим спортом и спортивцам. Поздравляем их с новым боевым союзником в борьбе против капиталистического общества и социал-фашистских лидеров».

При этом борются кольца войны с Советским Союзом мы именем рабоче-спортсменов, кольцо из классово сознательных борцов Финляндии, Швеции и Норвегии, которые с остальным пролетариатом всего мира ведут подготовку к освобождению рабочего класса.

Такие резолюции симпатичны. В дни, когда все силы капиталистического общества напряжены и готовы обратиться против Советского Союза, спорт не может быть вне политики. Яростная борьба за социальное спасение, ее буржуазные раскрытия, газы миллиардов, беспричинные убийства, Олимпийские игры — это величайший момент, который междоусобиной спасет. Зрелища рабочие-спортсмены возлеются в социалистическом строительстве путем социалистического соревнования с советскими физкультурниками. Рабочее единство крепнет, и да его знамени написано:

«Борьба пролетариата за свое оздоровление — есть борьба политическая».

НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ
(«Стрельба» № 1, 1905 г.)

Иллюстрация к лавной манифестом от 17 октября неприкословенности личности: как скакет по улицам и направо и налево нагайкой хлещет по «неприкословенным» личностям обывателей.

СВОБОДА СОБРАНИЙ («Стрельба» № 1, 1905 г.)

Картина показывающая, как на деле осуществляется обещанная манифестом 17 октября свобода собраний: щеголеватый гвардейский офицер с ротой забитых солдат расстреливает загнанный в угол свободный митинг.

1905 ГОД В НАРИНАТУРЕ

СВОБОДА ПЕЧАТИ («Стрельба» № 5, 1905 г.)

Иллюстрация к лавной манифестом 17 октября свободе печати. Редактор должен осуществлять свободу печати под постоянным наблюдением жандарма, готового в любую минуту обратиться на него с длинным бичом полицейских наказаний (арест, штраф, закрытие газеты и т. п.).

СВОБОДА СОВЕСТИ («Стрельба» № 1, 1905 г.)

В царской России евреи могли жить только в нескольких западных губерниях, составлявших так называемую черту еврейской оседлости. Попытка их после манифеста о свободах проникнуть за эту черту встретила решительное противодействие правительства, изображеного на рисунке в виде городового, готового наброситься на евреев, разрушающих ограду вокруг черты оседлости.

СВОБОДА СОЮЗОВ («Стрельба» № 1, 1905 г.)

Действительно, свободы союзов, после 17 октября, использовались беспартийно только так называемый «Союз русского народа» для организации под покровительством полиции погромов. Рисунок изображает полицейского, обнимавшего членов союза — хулигана и мясника-лавочника. Фигура последнего должна была напомнить читателям о мясниках Охотного ряда в Москве, которых правительство в 1905 г. не однократно пользовалось для избиения студентов университета; расположенного по соседству с Охотским рядом.

МАКС ЛИНДЕР И ФИЛЬДЕПЕРС

Н. КАЛЬМА

У себя, в железнодорожных мастерских Казанки, Валенка Зубов считался одним из самых сознательных: был ударником, писал в стендэзете, работал хорошо и спорно.

Поэтому нам казалось бы, несомненного доказа до того, что в один из выходных дней Балакирев, в своем костюме пижичного цвета брускичного цвета и широченных спущивающихся до пола брюках, в которых тонкие ноги его болтались, как языки у колодка.

— Батюшки, где это тебя там уговарил? — ахнула старуха-матушка.

В Мосторге все самое модное приобрело—модный город отечества Валенка—пора на него. Ехать туда по моде одеваться, а то строительство идет, а мы все вழдаем, а где ходим. Обратите внимание, мама, на брюки, продавец сказал: фасона настоящий «Макс Линдер».

Основная наша тема—Валенки брюки, вернее не брюки, а та мода, которая их породила.

ЧТО ТАКОЕ МОДА?

Принц Уэльский в сырную погоду засучил брюки и, забыв о том, танцевал на придворном балу. На следующий день все мужчины ходили с завернутыми концами брюк. Или так: у какой-нибудь из королев или королевских фаворитов был зоб, или спицом, или кашлем, и он ходил в брюках, тогда он сам зашивал себе пальцы с высокими воротниками и надевал криконали. Придворные, разумеется, подражали, а за ними следовали и все «кланы». Так создавалась мода, которая иногда характеризовалась целую эпоху.

Любопытно, что мода всегда рассчитана на тот темп жизни, который властвует в данной эпохе. Следовательно, если в Альбадане двинулоподие глядело на моря, то мода была тогда малоподвижной, подстать же ей были и удобные одежду. А криконали и высокие, громоздкие, как Вавилонская башня, прически модные времен последнего Людовика были рассчитаны исключительно для торжественного въезда в паланкины.

Но нельзя носить сарафаны и брошки на голове, если ты уже вышла замуж, или поехала в метрополию! И вот современный темп жизни создает новую моду. Короткие юбки, короткие волосы, туфли на низком каблуке—такова национальная внешность достижений современной женщины. Она хочет быть легкой, проворной и спортивной. Тело ее освободилось от тиарированного корсета, от длинных юбок, подметающих пол, от длинных волос, подметающих голову, от громадных уродливых шапок и длиннейших булавок, вываливались сосуды глаза. Такова была современная мода Запада, воспринятая и нашей, потому что она не шла в разрез с теми физкультурными и гигиеническими задачами, которые мы ставили себе при создании женской одежды.

Работницы, служащие, изнапши, черные, рыжие, блондинки—все одинаково стригли головы, носили короткое платье и ходили в туфлях на низких каблуках.

Вы спросите, при чем здесь прошедшее время, к чему все эти «ходили», «были» и т. д.?

Да к тому, что мода меняется, мода опять возвращается к длинным юбкам, изодтики волочившимися по земле, забирающимися все мизанс, все микробы, находящиеся на близи, и в дальней мордах, мода опять начинает покоризительно блестеть длинным волосами и высоким каблуком.

Но довольно! Мы притянули ту моду—свободную и спортивную, потому что она отвечала нашим требованиям. С новой модой нам не по пути, мы не хотим ее.

В почтовом отделении фабрики Молодежи, где работают девушки Соколова и Энина Филиппина наперевес рассказывают мне о том, как, по их мнению, должна одеваться советская женщина.

Раньше мода была нам на руку—просторные, короткие платья, взанные кофточки, туфли без каблуков. Все было легкое и удобное. А теперь поглядите, какие пиджаки!

И они развертывают передо мной только что смешанное платье с длинными, никому не нужными хвостами с боков.

Работники Московско-Большой модильнины. Они живо интересуются всеми «фасонистами» и отлично осведомлены о том, что модно на Западе. Теоретически все, что вы спросите, стоит за прежнюю свободу и удобную моду, а практического нет.

Наша девчата теперь нипочем без каски не ходят, не модно, говорят, и се ту.

Остановите движение моды, экспонатами и принять стать спортивных платьев на могли бы только при помощи наших «смельчаков» поставщиков: пошибочных, обувных и прочих трестов.

А что делают фабрики «Московской», «Скородух», «Парижская Коммуна» и т. д.? Они гнут свою линию, и слепо подражают «западническим» модам, поглощают в массы чуждую и вредную моду.

В газете «Горькая» появилась статья крестьянок Мелитопольского округа (УКРС) к ленинградским и другим рабочим механического производства обуви. Вот оно:

«Товарищи рабочие!

Мы просим вас изготовить красную и белую обувь для нас, женщин села степных районов. Мы просим обувь на низком каблуке. Обувь с высоким кабуком, какую вы нам даете, мы позволяют нам свободно ходить—мы быстро вытаскиваем из-под каблука и заблеваем. Мы раньше и не знали о тех женских бояхах, с которыми связаны наши обувь. Часто из-за проприевших виновных тонких каблуков, настолько заленки, что мы и в холодах дни на работе или в дороге вынуждены бывать босыми и болеем из-за этого. Если же на работе перетерпим все эти страдания, то домой приходим совсем разбитые.

Высокий каблук увечит нас, мешает нам строить новую жизнь, и поэтому просим вас, товарищи, обновите нас от этого рабства моды!

Группа селянок.

Но неизвестно на такие письма, мало-помалу исчезает «немодная» обувь без каблука и появляются туфли на четырехсанитметровом каблуке. Резинострест, который должен подогнать свою продукцию к обуви на низком каблуке, выпускает калоши и ботинки на высоком каблуке, на высоком каблуке. В окнах «Мосторга», «Коммунары», «Гума» високосные красавицы пляшут прохожих длинненными подолами и белых, хвостатых платьев.

...В Мосторге все самое модное прибреж..

Универмаг всесиленного похож на звезд. Те же блестящие пряди и отставы, неизменная торопливость, неизменная сознательность, те же скрести в руках и гудки автомобилей за окном, напоминающие прошальные гудки отходящего поезда.

Синие сумерки прожгены золотом витрин, желтое масло огней невольно притягивает взгляд и задерживает ее у проходящих стекол.

В этих огромных зеркальных окнах выставлено все нужное для того, чтобы одеть «по моде», снабдить полным инвентарем от подтяжек до вилки—да и накрить чесовека.

Торчатятся крахмальные грязи рукавов, сунутся пальчики—бледные, белые, розовые, чуть колышутся от дуновения вентилятора легкие, пышные платья, а рядом сгибаются под тяжестью заграничных пломб груды чулок—от цвета лососины до цвета замороженных гусиных ног—настоящий фильм-десерт.

— Вот нам бы с тобой, Манюша, столько заграничных чулок!

Я стремительно обворачиваюсь. У говорящей бледной девушки, с бледными волосами выбегают из-под теплого пальта. Глаза бледны устремлены на витрину. Кто она эта девушка, томящаяся по физионепту?

— Ероша. Шурка, пойдем—беспечно горюет подруга—аго и не укупини. Ты и так нас в мастерской первой моды.

Ага, так она работница?! Она с сожалением отходит от витрины, но и подруга и я, и я тоже, смотрим на девушку. Потом она ворчит сквозь сон: пронесется ветер магазина. Таких, как эта девушка-рабочница, много в женском отделении магазина. Покупательницы часами простоят у зеркала, окруженные кучкой привлекательных с соискателями- друзей или родственников. От экспертов требуют совета, но ищут вспомогательную на пакетах.

Так тебе практик? Вита, вот это синее, с отдалкой?—спрашивает малодого красноногая миловидная женщина

— Очень правится.

— Так я возым коричневое—и фасонный и мне идет.

Но неизвестно на какие письма, мало-помалу исчезает «немодная» обувь без каблука и появляются туфли на четырехсанитметровом каблуке. Уговоры, изображающие

не понимая, что буржуазной моде не должно быть места в Сонзе. Платье, как мебель. А мебель делается в условиях нашей жизни портативной, легкой, складывающейся.

Наша одежда тоже должна быть портативной. Но в Мосторге это не получается. Остановив моду! Короткие волосы, короткое спортивное платье, обувь на низком каблуке—такой должна быть одежда советской женщины.

...и фасон модный и мне идет...

П. П. Шмидт.

переодетые матросы, саперы и «вольные» солдаты, ворвались в кают-компанию, где находилась полусидя на полу Приморского бульвара, напряженно всматривались в будущее, оспещающее время от времени молочно-белыми лучами прожектора. Когда на берег доносились предсмертные крики: «брата, помогите!», вся толпа на секунду-другую приходила в движение, будто ходила по палубе корабля, который всплыл из ее гавани. Но эти «существа-люди», направленные к воде, мгновенно поворачивались в обратную сторону, и толпа вновь немела до нового повторного крика о помощи. В темноту ноябрьской ночи то-и-дело приваливали белые и оранжево-красные языки огня. На большом реце Севастополя в глухах у торчавших поблизости в разгромленных матросов и портовых рабочих лагерей восставший крейсер «Очаков».

Это было 15 ноября¹, а на следующий день, по распоряжению командующего Черноморским флотом адмирала Чухина, приступили к тушению пожара и осмотру крейсера.

Картина этого осмотра рисует бывшего машиниста кондуктора «Очакова» Д. П. Вдовицкого:

«Все и наш крейсер», — рассказывал он. С замирающим сердцем забежал я по трапу и прежде всего направился в свою каюту. Железной лестницей в каюту я каюты не было. На полу, испекарском и закопченом, валяются скрученные куски железа, и местами возвышаются какие-то черепа, как смоль, с жирным блеском кусков. Сначала я не обратил на них особенного внимания, так как спешно взглянул на свою каюту. И тут я увидел, что из-под обломков каюта, переламывая одну из них ногой, Черный, машинистский пепел разлетелся, и из-под него заблески человеческие кости, скорченные, смеленные вместе предсмертными муками. Тут только и понял, что предо мною останки людей, сгоревших и истлевших на раскаленном пальце. Здесь вину их было больше, нежели пожар».

Скорее наверх! Вот опять разорванный человек, залитый черной кровью. Страшно боялся из этой груды обломки костей.

Далее, за шкапами возле плафута, на обгорелой палубе лежит матрос, перевязанный простыней. Развязали. Весь живет вры-

“ОЧАКОВ”

Очерк Василия Дробота

вии. Зашли в кают-компанию, где сидели престолованные с «Грут» и «Литоманом» офицеры. В борту пробоины. Кругом все разворочено. На полу кучка пеплу. Разгребли его, нашли металлические значки минного машиниста. В последние минуты арестованного вынесли из каюты и вывезли в кают-компанию. Часовой исполнитель этой доли в упор застрелил первого попавшегося. Это был машинист кондуктор Журавкин. Металлические значки — все, что от него осталось.

Взяли с собой несколько человек команды, и спустились в машину. С правой стороны зияла пробоина в броне, сантиметров в 3. В машине лежала куча обломков и досок; один из сидящих удалился от боком и вырвал кусок из машины, отщипнув из него свою форму. На индикаторной плафончике лежала гайка с каленой частью спиральной ленты машины, причем центральная спираль была изогнута. В крохотной машине, на рабби, главный разобщительный изолит-сухаревник и снес над шестью катками все дымовые выходы. Вся эта масса железа силуэтом взрыва сметена была по углам помещения и так спрессована, что никогда в жизни не сложится ее так плотно и крепко. В машине, кроме машиниста, одна занимала. При выходе из кают-компании, с левой стороны лестницы лежало тело человека огромного роста, но без головы, которая была срезана точно бритвой. С трудом вытащили тело изверг. Это — кочегаровский ученик Козорез. «Вечная память тебе, товарищ, неверно промолвили мы, обиженный гением».

Изрешетленный осколками выходной зонт над люком кондуктора обляпал исчезнувшими головы. Очевидно, она была срезана взрывом, едва успела подняться над уровнем палубы. А тело свалилось обратно в кочегарку.

Быстро вытащили кубрик избрызги угла, распыленный по палубе. Особенно толстым слоем он лежалколо минного полутораудара. И вот, на первую же лопату попалась кисть человеческой руки, на следующую — часть ноги, затем — половины... Стали ее сбрасывать, утапливать, но переборол более осторожность. А тело свалилось обратно в кочегарку.

Во время обстрела «Очакова», когда снаряды бургами взрывали его палубу и разом в десяти местах западал огонь, команда стояла у этого полутораудара для пользования спасательных судов. Шальную снаряд ударила в кинжал бинокля, и имелась еще одна пинцетная отверстие по 6 сантиметрами длины и 6-6 мм, скрути ее штифтом до половины судна и вместе с осколками врезалась в толпящуюся людьми.

Из морского госпиталя выбрались во-

семянщик гробов.

В три часа утра услышали усиление трума, а вслед за этим потянулись западины от разорванных мускатов. Печальные останки эти обтукашивались на барже к двери главного командира Черноморского флота «Голландия», находившейся на северной стороне, и там, где-то за садом «его преисходительства», зарыли.

С восходом солнца жестокость стала по-настоящему. Как могло это возникнуть, почему так быстро оно потерпело поражение, отчего оно не было поддержано остальными судами черноморского флота? Постаравшись на это ответить,

в ответствии волчьеми августа 1905 г. часть экипажа команды крейсера «Очаков» была переведена из казарм на корабль. Большинство этих матросов были молодых призываев из числа отборных, незадолго перед тем сохни и станка крестьян и рабочих. Недавно японская война и общие политические настроения того времени не могли пройти бесследно мимо этих людей,

явились на военную службу с нескользкой иной идеологической закавказской, чем матроны прежних призыва.

Необходимо также отметить, что на «Очаков» работали в это время вольнонаемные мастеровые по установке частей машин и среди которых были и местные рабочие из села заводов. У этих рабочих еще были достаточно свежи в памяти кропотки события 9 января, открывшие глаза многим тысячам трудящихся на истинную физиономию и природу царского строя. Рабочие проявляли весьма большой интерес к общественной жизни, читали газеты, были почти поголовно в курсе господствовавших в России политических событий, а с командой «Очаков», производившей на нее определенное революционное влияние. В свою очередь матросы, жившие в казармах, ежедневно сталкивались с «полными», получавших от них точную информацию о разревущающих событиях. Их матросы наступили в 1905 году на путь, который привел нарезные запасы, составляли основные кадры всех городских рабочих митингов.

Прямая связь с социал-демократами (большевиками) поддерживали отдельные матросы и в том числе казненные впоследствии одновременно с П. П. Шмидтом — Антоний Гладышев и Часников.

Развязавшие беспорядочные настроения матросов было ускорены событиями в Кронштадте. Первые вести о жестоком подавлении этого восстания вызвали усиленное брожение в Черноморском флоте и притяжение к открытым восстанию у себя в Севастополе.

Французский цирюльник этого восстания смел считать 11 ноября, когда, в ответ на приказ стрелять в митинг, член с. д. организации (большевиков), матрос Петров выстрелил в отдавшего приказ адмирала Писаревского, а другим выстрелом убил начальника штаб-капитана Штейна. Это послужило сигналом для начала нового этапа в дальнейшем движении. Воздаря к прежнему уже не было и не могло быть. Нужно было только всему движению придать организованный характер, взять над ним стратегический и политический руководство. Но здесь-то и обнаружился еще недостаточная готовность всех партийных организаций Севастополя к руководству восстанием.

Социал-демократы (меньшевики), несмотря на наличие в городе даже так называемого военного комитета, в самый критический момент оказались в хаосе событий и взять на себя руководство, а тем самым и ответственность за исход восстания, не рискнули.

Между тем, массе нужен был вождь, которому она могла бы полностью доверять. Таким человеком оказался... лейтенант Шмидт. Как военный П. П. Шмидт был для матросов — своим. Вокруг его имени создавались легенды о первом красном лейтенанте. На палубе масса матросов, не без доверия, стала бояться бранца на окошке из флотских собраний мыслей обратиться к лейтенанту П. П. Шмидту с просьбой взять на себя все руководство развернувшимся событиями.

Несмотря на то, что Шмидт был, по его собственному выражению, «социалистом вне партии» и «согласен с боевыми задачами идеалом сопротивления царю и народу», руководство восстанием перешло именно к нему.

Шмидт объяснил себе командующим и за подписью «командующего флотом гражданином Шмидтом» послал Николаю. В следующую телеграмму: «Черноморский флот, свято храни в бою боевые традиции, требует от вас, государя, немедленного созыва учредительного собрания и перестает повиноваться законам министров».

Эти были только слова, так сказать, холостой выстрел, в то время как успех восстания зависел... исключительно от возможностей поддержать его настойчивыми выстрелами.

¹ 1905 г. по старому стилю. Автором исправлена его книга на ту же тему.

ми—из крупнокалиберных орудий Черноморского флота. Эта возможность к 15 ноября уже исключалась, так как главный командир Черноморского флота адмирал Чухин днем раньше приказал снять замки с орудиями, в частности, на «Потемкине». Это мероприятие уложило определенный печальный исход событий.

С другой стороны, сам Шмидт не предпринял ровно ничего для приведения поставленных единиц флота в должное боевое состояние. Больше того: он не только стремился сделать революцию «мирной», но верил даже, что поговори он с Чухиным с глазу на глаз, они «сосились бы на одном»—на любви к народу, на любви к родине и т. д. Так думал Шмидт, в то время как Чухин вместе с другими линкородами готовился к вооруженному подавлению восстания.

В результате «Потемкин» был лишен возможности поддержать восставших своими орудиями, а «Очаков» сделался простой и легкой мишенью для расстрела его усмиряющих.

Шмидт не представлял себе революцию иначе как «мирную», с крайней мерой революционного воздействия в виде всеобщей забастовки, забастовки рабочих, характеристикой которой являлась нарезка. «Сказал» его речь на суде, когда он сказал: «Из всех программ и оттенков современной политической мысли России меня более всего привлекло сочетание: царь и народ...»

Таков Шмидт, как политическая фигура, как «социалист вне партии» и это его собственное выражение. В этом отсутствие четко оформленного социально-политического лица руководителя восстанием один из причин его разгрома. С другой стороны, восстание не было подготовлено, подготовлено, отступническим же было отступничество.

По делу о восстании были созданы две, работающие параллельно, правительственные комиссии, одна из которых вела следствие исключительно «бо буте» на «Очаков» и имела своей основной целью расправу с лейтенантом Шмидтом и его ближайшими боевыми соратниками—Гладковым, Часниковым и Антоненко.

19 марта (по новому стилю), на острове Березини, в 20 километрах от г. Очакова, в котором происходили события, состоялось казнь.

Шмидт с матросами привезли на остров для казни около 4 часов утра. С почтой на остров высыпалась войска, по заводу от миеров, пехоты и артиллерии, в полном вооружении, при 13 офицерах. Здесь был командир и офицеры «Пруги», жандармский ротмистр, сапожник, 4 готовых гроба, столы и лопаты. Расстrelять осужденных было приказано матросам канонерской лодки «Герен» в числе 60 человек. Они стояли в 50 шагах от столбов, имея в тилу три залпа войск, поставленных на каждого слуги.

Шмидт был без шапки, в одном белье. Команда выстроилась, барабан ударила барабан, еще минута, матросы берут ружья на руку, Шмидт кричит: «Прощайте и убирайтесь. Газа у него открыты. Раздаются приказы «Даль» за «Даль».

Было в 4 половины утра. С рассветом минеры удалили изрешеченные тела в ящики, опустили в ямы, вырытые рядом, быстро засыпали землей.

Трагедия кончилась...

Отвест за нее черноморские матросы, вместе со всеми трудящимися бывшей царской России, потребовали от самодержавия и его агентов спустя двенадцать лет—в октябре 1917 г.

В ИНТИКИ

Очерк Я. Грановского

Солнце щедро разбросало свои лучи. Часть из них уцепилась за плотную кисью неба. Рассвят вырисовывал переплет окна.

— Погоорбара. На-а-а-а-о-о-о!

Окончательно я просыпалась на улице. Синеву неба, облака, тени деревьев, упрустость и склон. Могила будто слышала из под ворот выравнила струя вони: запахло дождиком, керосином и еще чорт знает чем. Трамвай оставил трещину и лязг волочащейся цепи, прощмыгнулся в воздухе. Белая струя дыма расселялась в воздухе. На большом доме застыла крик газетчики и побежал по трубам, ко крыши.

Москоускская.

А вот и трехэтажный корпус типографии. Волзнян знал гулок. Наш звонок задорно, малически отозвался. Пущен тот. Замахи крыльями американки, рячики погнали литеры по линотипу, прокатился шрифт в плоск.

Причудливым движением сплюснули лист в машину. Ход машины, темп машины, машины—это ход истории. И мы тормозим ее ход. Газеты, журналы, брошюры—все, что должно разъяснить рабочему и крестьянину нашу борьбу сейчас, что должно поставить их в первые ряды строителей, — все течет лавиной.

Скорей, скорей на передовые позиции соревнования! Рядом со мной соревнуется Фельдка. Эн, какую кучу навалил! А смеху было! Вель, вот тоже случай. Был паренек из первых фабричных. Но вечером от «Дут-лазер» жара не было. Рад к изборам не вызвали к телефону его. Так он в раж:

— А в руло хош?

На общем собрании его прибрали. Бригада из своего состава исключила, хоть он и хороший работник. Комсомольцы обходили стара. А Ленка с Владимиром подкатывались.

— Дескать, что ты за рабочий, еще печатинник какой в тебе сознательности?

Мы для этого на собрании пригласили Ленку Фельдку домой стара провожать. Мы на нее звонили для виду. Глядим, Фельдка на собрание залегла. Потом зачастла. И, наконец, утром сунул заявление: «Хочу взыскать, сознательности хочу!» И чот, прямой стал. Фельдка бригада в этом месяце по социалистическому соревнованию «ведущая»: выиграла по «международному» пункту. Социалистическое. Экое слово!

Ребята смеются, когда я говорю, что обеденный перерыв на сязывал и делает

друзьями. А правда. Обед — это политчас. Больше всего «агитируют» эпизодами из своей жизни.

Чистые валики, смые от краски, прислонены к стенке. По машинам белют «зябчики». Ну, кто-нибудь закинет слово, другой отзовется, третий объяснят, — разговор тут...

Позади я поранил себе руку. Говорили о моем неосторожности. А Владимир вольми и повери:

— Ребята, гражданская всяко пережила. Возле меня сколько погибло. Ничего. А тут случай странный. Работал на мебельной. Говоришь, что-нибудь. Но вдруг профессор сидит за машиной. Он вдруг на строгальную машину понес. А до стоячки махоньки. Ну, где здесь удержать. Пальцы в машину. Вращающийся валик руку отбил на ножки. Сбило коньки пальцев и руку содрали.

Ну, братцы, как подкошенный свалился. Так вот и плетется разговор...

Вечером, вырывавшись с какого-нибудь «общего», где, по обыкновению, было 33 вопроса (не собирались для месица), текущий момент с текущим вопросом, катящимся в клуб.

Комки, крики, шум, и, загуашав все, поет громкоговоритель.

— Ну, брат, ход. Говори, ведь, что ся-дешь.

— Нет, ты постой. Разве моя пешка, как быт, беспокоясь: она может зашататься...

— Глядите... «Капабланка» по своим конем своему королю угрожает. Держите... об-ые умрите...

Может, в самом деле, меньше одним же-ребцом станет...

— А, «изобретателю» почтение...

— Программу-то «изобретатель» на кор-пусе набирали.

— Что-ж делать, полуанглийским рабо-тает. Нам, говорит, кулак нужен для хо-зяйствования...

— Да, шип, неанглийский.

С соседней комнате что-то ухарски «дер-гаёт» оркестр, и узкие пальцы Тимальцева «фокусы» боятся, потому что три раза остановлены «крептичами».

Пионеры усердно вырисовывают усы кошке. Владимир, партиприкрепленный, серьезно обсуждает «передний» вопрос об усах. А в глазах смех.

В буфете. Васка удивляется величине бу-терброда и комплексу захвата.

ТАЛОН № 2

на поездку в РКК флот.

В очередных № № «Смены» будут изображены еще 4 талона. Между прилавками в редакции в бывшем 6 этажах будет разыграны 20 поездок за счет редакции в гости к краснофлотцам в Балтийское и Черное море.

ВСЕ ШЕСТЬ ТАЛОННОВ ПРИШЛИ В «СМЕНУ»

Непременно—выпиши „СМЕНУ“

И без лишних слов—приобрести „БОРЬБУ МИРОВ“

Что же представляют собой „Смена“ и „Борьба миров“?

«Смена» — иллюстрированный литературно-художественный и общественно-политический массовый журнал рабочей молодежи. «Смена» издается органом Центрального и Московского комитетов ВЛКСМ.

Журнал находит ежедневно на 20 страницах большого формата на хорошем бумаге с 2-красочной обложкой.

«Борьба миров» — приложение к «Смене». Это ежемесячный журнал революционной романтики, путешествий и открытий, научной фантастики и изобретений, художественной пропаганды генерального плана.

«Борьба миров» — иллюстрированные сборники, остро-сюжетных рассказов, занимательных очерков, увлекательных романов и поистер.

УСТАНОВКА «СМЕНЫ» И «БОРЬБЫ МИРОВ».

«Смена» ставит перед собой следующие задачи: организовать пролетарскую молодежь для лучшего участия в социалистическом строительстве и для борьбы за революционные темы реконструкции; воспитывать своих читателей в духе изменившейся ненависти к классовым врагам и непримиримости ко всем им уклонам от ленинской линии партии; помочь подрастающему поколению молодых большевиков в деле выработки твердого марксистско-ленинского мировоззрения и осмысливания глубочайшего размаха проходящих вокруг нас процессов; мобилизовать воинов, инженеров и энергетиков колоссальные силы для наиболее полного и быстрого выполнения задачи социалистического строительства и для занятия новых хозяйственных приоритетов; бороться с изразцамими «баксы» линии в быту, literature, искусстве и комсомольской работе; вызывать и разывать новых молодых пролетарских писателей и поэтов, очеркстров и художников; об единить вокруг себя читательские массы для совместного обсуждения наиболее интересных проблем современной жизни.

«Борьба миров» предстает следующими целями: показать величие и красоту перевежимшей нам эпохи; разяснить читателю неумолимую логику и острую кафовую борьбу; воспитать в молодежи чувство герояического наступления; развернуть передней умственной силой страны на новый рубеж; показать величие и ее близящую перспективу; распространять на основе подлинно научных представлений наиметки будущего бесклассового общества, заражая молодежь отчаем классовой борьбы и социалистического творчества.

Установка обоих журналов на воспитание смены классово-выдержанной идеологически устойчивой, смелоющей над мистикой и не боющейся трудностей, равно чужой оппортунистической груссости и мимо-революционного авантюризма, алорой, бодрой и энергичной, работающей бешеным большевистским темпом, над осуществлением социалистической и германской революций роста, пропагандой стальной обороны, над стремлением к дальневосточному прорыву, обогащением германской культуры, олигархом борющегося рука об руку коллегизма, всеядия и всееда — по любую минуту своей жизни и в любом углу земного шара — оставшись комсомольской, ленинской.

В 1930 году к сотрудничеству в «Смене» и в «Борьбе миров» привлекены следующие поэты, писатели, очерксты и художники:

Д. Айтбазов, Н. Асеев, Э. Багрицкий, А. Безыменский, Н. Богданов, Н. Владмирский, Б. Галкин, А. Гарин, М. Гелединый, Б. Гербетов, Б. Головин, П. Гуттев, В. Гусев, А. Денисенко, Н. Дементьев, В. Дмитриев, М. Доброкорский, К. Елисеев, Б. Ефимов, А. Жаров, М. Залка, Я. Ильин, А. Избах, И. Катев, В. Кин, Г. Кинь, С. Кирсанов, М. Конопцов, Ю. Либединский, В. Луговской, В. Лещин,

Ф. Малов, В. Малиновский, И. Молчанов, Н. Овсянков, Д. Петровский, М. Плетнушкин, И. Рахилло, Б. Рингов, З. Рихтер, М. Розинский, Б. Саликов, М. Светлов, В. Соболевский, И. Ставский, Е. Строгова, А. Суров, А. Тихонов, Н. Тихонов, А. Том, И. Уткин, Н. Ушаков, К. Фини, З. Чагак, Я. Черник, М. Шагинян, Я. Шведов, М. Шлопаха.

В 1930 году «Смена» берет решительный курс на пролетарскую литературу, работая в контакте с ВАППом в черных свя-зах силы в избраных литературных кружках.

В 1930 году «Смена» принимает активное участие в развертывающемся широком физкультурном и фотографическом движении, также ссылаясь с изю и фотографированием рабочими кружками.

В 1930 году «Смена» ставит переднее внимание вопросам воспитания боя и коммунистического труда, давая на своих страницах место общему мнению между отдельными батальонами и производственными коммунами.

В 1930 году «Смена» разворачивает широкую масштабную работу со своими читателями, организуя ежемесячные читательские конференции в крупнейших пролетарских центрах СССР, открывая ряд бесплатных консультаций по вопросам быта, литературы и искусства.

Весь массовая работа проводится под руководством избранной при предприятиях рабочей редколлегии.

В 1930 году «Смена» открывает клуб рационализаторов «Смены», в членов которого принимаются все читатели, внесшие какое-либо предложение об улучшении журнала и помогающие его распространению; члены клуба за свою предложенную премируются новыми книгами.

В 1930 году на страницах «Смены» будет проведен ряд лиц-путов по направлению к выживанию и вознаграждению молодежи вопросам.

В 1930 году на страницах «Смены» печатается коллективный роман шести молодых писателей и поэтов: В. Дмитриева, М. Светлова, В. Кина, М. Колесова, И. Катаева.

В 1930 году на страницах «Смены» будет напечатан ряд новых полезных, интересных и занимательных игр; среди других — «Техническая грамота», способствующая поднятию технического уровня читателей.

В 1930 году «Смена» значительно расширяет отдел «Физкультура и спорт» и вводит новый отдел «Пролетарский туризм».

Чтайте подробные проспекты «Смены» и «Борьбы миров». ВЫПИСЫВАЙТЕ, ЧИТАЙТЕ И РАСПРОСТРАНЯЙТЕ «СМЕНУ»!

Условия подписки на оба журнала:

I. На «Смену» без «Борьбы миров» и «Библиотеку Смены»: на 1 мес.—30 коп., на 3 мес.—85 коп., на 6 мес.—1 руб. 60 коп., на 9 мес.—2 руб. 45 коп.

II. На «Смену» с «Борьбой миров» без «Библиотеки Смены»: на 1 мес.—70 коп., на 3 мес.—1 руб. 95 коп., на 6 мес.—3 руб. 70 к., на 9 мес.—5 руб. 65 коп.

III. На «Смену» с «Борьбой миров» и «Библиотекой Смены»: на 1 мес.—94 коп., на 3 мес.—2 руб. 60 коп., на 6 мес.—4 руб. 90 к.

Подписаться можно: 1) по адресу: Москва центр, Новая площадь 6/8, «Молодая Гвардия»; 2) в отделениях издательства «Молодая Гвардия»; 3) во всех почтово-телеграфных отделениях; 4) у всех письмоносец.

НЕПРЕМЕННО—ВЫПИШИ „СМЕНУ“